

Туринская плащаница
хранит множество тайн.
Ее подлинность до сих пор
вызывает сомнения...

ЕВГЕНИЯ ГРАНОВСКАЯ

Мифы Туринской плащаницы

ЭКСМО

Евгения Грановская
Мифы Туринской плащаницы
Серия «Марго Ленская и дьякон
Андрей Берсенеv», книга 4

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182646
Мифы Туринской плащаницы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29124-3

Аннотация

Дьякон Андрей Берсенеv занимался исследованием таинственной гибели католического священника – его тело непостижимым образом исчезло из могилы. На кладбище на Берсенева напали, а когда он очнулся, то обнаружил в своей руке клочок бумаги со стихотворением Николая Гумилева. Оказалось, это страница из тайного дневника поэта о путешествии по Африке. Гумилев побывал в племени колдунов вуду и, впад в мистический транс, написал пророчество о конце света... Дьякон понял: в начале нового тысячелетия кто-то хочет осуществить предсказание великого поэта. С помощью тщательно охраняемой Туринской плащаницы безумец вознамерился доказать, что Гроб Господень – лишь фальсификация для туристов... Книга также выходила под названием «Дневник тайных пророчеств».

Содержание

Глава 1	4
1	5
2	9
3	15
4	19
5	21
6	27
7	34
8	39
9	45
10	58
11	62
12	69
13	78
14	83
15	92
16	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Евгения Грановская

Мифы Туринской плащаницы

*Сочти число зверя, число его – шестьсот
шестьдесят шесть.*

Откровение св. Иоанна Богослова

*Если убитой пантере не опалить немедленно
усов, дух ее будет преследовать охотника.*

Абиссинское поверье

Глава 1

Пропавший мертвец

Москва, март 2001 года

Отец Кишлевский, высокий и худой, в элегантной черной сутане и черной шапочке-пилеолусе, скрывающей наметившуюся плешь, заложив руки за спину, вышагивал по асфальтовой аллее церковного сквера. Его костлявое лицо было хмурым и сосредоточенным. Вот уже три дня он ломал голову над одной проблемой, разрешить которую совершенно не представлялось возможным.

С одной стороны, долг гражданина требовал от него сообщить о странном посетителе куда следует. (Да и не только долг гражданина. Речь шла об очень серьезных вещах.) С другой – все, о чем поведал посетитель, было сказано во время исповеди, пусть даже исповедь – голая условность, и налет сакральности ей придавал лишь антураж исповедальной будки.

Предложение, которое странный посетитель сделал отцу Кишлевскому, было диким и страшным по своей сути, однако столь нелепым, что, положив руку на сердце, вполне можно было не обращать на него внимания. Нельзя же воспринимать всерьез фантазии безумца.

Однако что-то подсказывало Кишлевскому, что посетитель не столько безумец, сколько одержим. И у него есть деньги. Много денег. А человек, одержимый идеей (какой бы безумной она ни была) и имеющий деньги для ее осуществ-

ления, – такой человек уже не смешон, а опасен. Очень опасен!

Возле мраморных ступеней храма священник остановился и, задрав голову, посмотрел на раскачиваемые ветром кроны тополей, как бы спрашивая у них совета. Но природа – плохой советчик в вопросах, касающихся темного свитка человеческой души. Природа находится по ту сторону добра и зла.

«Хватит, – сказал себе отец Кишлевский, ступая на мраморную ступень. – Отложу эти размышления на вечер».

Неприятные мысли, овладевшие разумом отца Кишлевского под сенью московских тополей, поблекли и стушевались в церкви, как всегда уступая место набожности, осененной мерным, тихим светом свечей. Где еще человеку обрести спокойную уверенность в жизни и в себе, как не в жилище Господа? «Я спокоен, Господи, ибо верую в Тебя. Я спокоен в Тебе и через Тебя. Спокоен, ибо вера моя непоколебима».

– Святой отец, в будке посетитель, – сообщил, почтительно подходя, пожилой помощник.

– Давно он ждет?

– Минуты две.

– Спасибо, Петр.

Отец Кишлевский сурово сдвинул брови и вошел в исповедальню. Осенив себя крестным знамением, он посмотрел на темную решетку, по ту сторону которой угадывался силуэт сидящего человека, и сказал:

– Слушаю вас, сын мой.

– Святой отец... – тихо начал посетитель. – Я согрешил.

Посетитель замолчал и словно погрузился в размышления. Молчание его затянулось, и Кишлевский нетерпеливо спросил:

– Сын мой, скажите, в чем заключается ваш грех?

Отец Кишлевский сложил руки на коленях и приготовился слушать. Посетитель помолчал еще несколько секунд, потом проговорил:

– Я доверил свою тайну человеку, который не заслуживает этого.

Кишлевский вздрогнул. Он узнал этот голос.

– Вы? – тихо воскликнул священник. – Я ведь, кажется, ответил вам! Зачем вы пришли?

За решеткой послышался легкий смешок.

– Любой прихожанин имеет право на исповедь, разве не так?

– Перестаньте паясничать!

И снова этот легкий, еле различимый смешок.

– Вы только подумайте о грандиозности нашего замысла, отче, – заговорил посетитель хриплым шепотом. – Вы ведь священник. Разве вы не хотите встретиться с вашим божеством лицом к лицу?

– Я не желаю принимать участие в вашей дьявольской афере. И молитесь Богу, чтобы я не рассказал о вас кому следует.

– Вы правда готовы нарушить тайну исповеди? – со смехом спросил посетитель. – Нет, не верю. Впрочем, люди, подобные вам, способны на все. Итак, спрашиваю в последний раз: вы примете мое предложение?

– Нет, – твердо и угрюмо ответил отец Кишлевский. – Никогда.

– Что ж...

За решеткой послышался тихий звук, словно по исповедальне пронесся ветер, в лицо Кишлевскому дохнула прохлада, перед глазами за клубилось черное облако, и в этом облаке вспыхнули два кровавых глаза. По спине священника прокатилась ледяная волна, сердце захолонуло и сжалось как от страшной тоски. Внезапно священнику стало душно, и он почувствовал, что задыхается.

– Зверь! – с ужасом прошептал Кишлевский, рванул на шее воротничок и вскочил со скамьи, намереваясь выбежать из будки. Но не успел. Из горла отца Кишлевского вырвался протяжный стон, лицо его побагровело. Он покачнулся, хватая руками пустоту, и, потеряв равновесие, рухнул на скамью. Сердце священника остановилось.

Капитану УВД Егору Петровичу Соловьеву было сорок два года. Из них пятнадцать лет он провел в «органах», заработал себе на этом поприще медаль за боевые заслуги, два ножевых ранения и нелюбовь начальства, которое не жаловало Соловьева за дурной характер и привычку «лезть в бочку» из-за каждого пустяка.

К этому следует добавить, что капитан Соловьев не верил в Бога, считал всех священников шарлатанами, а единственным дьяволом, существование которого он признавал безоговорочно, был его начальник – полковник Жук. Именно по его вине Соловьев в свои сорок два года был всего лишь капитаном и не имел ни единого шанса дослужиться до майора.

Часы показывали пять часов вечера. За плечами у Соловьева был тяжелый, суетный день с ранним пробуждением, и сейчас капитан отдал бы все на свете за рюмку холодной водки, горячий ужин и теплую постель.

Вместо этого капитан Соловьев сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и посвящал дьякона в нюансы жутковатого и нелепого дела.

– Один из прихожан обратил внимание на золотые часы, – говорил капитан Соловьев, поглядывая на спину собеседника.

Стоявший у окна высокий мужчина в синем подряснике, выгодно подчеркивающим его стройную широкоплечую фигуру, повернулся к капитану и переспросил:

– Часы?

Соловьев кивнул:

– Да, часы. Согласитесь, золотые часы на запястье просто-кладбищенского сторожа не могут не вызвать подозрений. Точно такие же часы были у Кишлевского. Прихожанин заподозрил неладное и позвонил в милицию. – Капитан Соловьев помолчал несколько секунд, затем дрогнувшим голосом продолжил: – К сожалению, мы опоздали. Сторож Кузнецов удавился у себя в сторожке. Повесился на деревянной балке. Допросить его, как вы понимаете, мы не успели.

Рассказывая о жутких событиях минувшего дня, капитан с откровенной неприязнью поглядывал на спину и плечи дьякона.

Длинные каштановые волосы святоши крупной волной спадали на плечи. Руки его были заложены за спину. Соловьев подозревал, что дьякон вовсе не смотрит во двор, а наблюдает за его отражением в оконном стекле. И вероятность этого нехитрого приема еще больше раздражала его.

– Мы приложили все усилия, чтобы история о раскопанной могиле и самоубийстве кладбищенского сторожа не попала в газеты, – продолжил Соловьев. – Но от газетчиков разве скроешь. В этом чертовом мире можно купить любую информацию.

Отец Андрей повернулся и взглянул на капитана с мрачно-новатым любопытством.

– Значит, номер «Московского комсомольца», который я видел...

– Это завтрашний номер, но мы не имеем к этой статье никакого отношения! – резко сказал капитан Соловьев. – Более того, полковник Жук звонил в редакцию газеты и просил выбросить эту статью.

– И они, конечно же, отказались.

– Разумеется. – Капитан Соловьев усмехнулся, обнажив на миг желтоватые, прокуренные зубы. – Это ведь сенсация! А журналисты за сенсацию мать родную продадут.

Дьякон вспомнил подзаголовок статьи – «Священник поднялся из могилы, чтобы наказать мародера» – и поморщился.

– Вы сами присутствовали при эксгумации? – спросил он после паузы.

– А как же. Не дай вам Бог когда-нибудь этим заниматься, святой отец. Когда с гроба сбивали крышку, меня чуть наизнанку не вывернуло. Вы будете смеяться, но я даже обрадовался, когда увидел, что гроб пуст.

Отец Андрей кивнул, словно и впрямь понимал чувства капитана, затем спросил:

– Вы уверены, что сторож покончил жизнь самоубийством?

– Дверь комнаты была закрыта изнутри, – сказал капи-

тан. – Если это не самоубийство, то что? Хотя у вас, святош, могут быть свои соображения на этот счет. Например, в трубу дымохода мог влететь Санта-Клаус и накинуть веревку сторожу на шею.

Капитан Соловьев замолчал, поняв, что перегнул палку.

– Да, – рассеянно проговорил отец Андрей. – Это вполне может быть.

Казалось, его занимали совсем другие мысли. Отец Андрей вздохнул и с полминуты стоял молча. Соловьев тем временем внимательно разглядывал своего собеседника. Он был молод (лет двадцать семь, не больше), высок, худощав, смугл и очень опрятен.

Раздражение Соловьева нарастало. «Какого черта этот святоша лезет в наши дела? – в который раз за вечер подумал он. – Взять бы его за шиворот и вышвырнуть из кабинета».

Однако вышвырнуть было нельзя. Дьякона Управлению МВД навязала Московская патриархия, отдел, отвечающий за связи с правоохранительными органами и Вооруженными силами. Полтора часа назад полковник Жук позвонил Соловьеву и отдал четкие распоряжения: «Дьякону не грубить. Относиться к этому как к простой формальности».

С Патриархией полагалось дружить, таковы были последние веяния. Еще какие-нибудь десять лет назад в церквях ошивались одни лишь набожные старушки. А сейчас вера в Бога стала таким же модным атрибутом, как увлечение теннисом и горными лыжами.

Капитан Соловьев щелкнул крышечкой старой дюралевой зажигалки и прикурил папиросу. По комнате пополз едкий дымок.

– Что со следами? – поинтересовался дьякон.

Соловьев нахмурился:

– Следы есть. Аж целых три. Два из них принадлежат сторожу – это мы установили точно. Принадлежность еще одного следа установить не удалось. Это отпечаток ботинка. Размер соответствует размеру ботинок Кишлевского.

Дьякон посмотрел на капитана удивленно.

– Вы хотите сказать...

– Я не сумасшедший, – перебил его капитан Соловьев. – Мертвые не ходят. Возможно, когда Кишлевского вынимали из гроба, его подошва случайно коснулась рыхлой поверхности земли. Как бы то ни было, другого объяснения у меня нет.

Дьякон, задумчиво поглядывая в окно, достал сигареты и закурил.

– Отец Кишлевский был замечательным человеком и хорошим священником, – сказал он.

– Говорят, что так, – кивнул капитан Соловьев. – А еще говорят, что до того, как стать священником, он был ученым и занимался генетикой.

Дьякон повернулся, посмотрел на Соловьева твердым взглядом и сказал:

– Я бы хотел осмотреть могилу Кишлевского.

– Вы хотите, чтобы я вас сопровождал? – спросил капитан Соловьев.

– Необязательно, – ответил отец Андрей. – Возможно, кто-нибудь из ваших людей...

– Хорошо, – сказал Соловьев. – Вас будет сопровождать наш стажер – младший лейтенант Гранович. Уверен, вы работаетесь.

Жил себе человек на свете. Жил и жил, а потом помер. Внезапно, без всякой причины. Казалось бы – все, конец земной жизни и земным проблемам. Но на этом неприятности не кончились. Кто-то выкопал тело человека из могилы, вынул его из гроба и куда-то унес. Кладбищенский сторож снял с трупа золотые часы, а через полчаса удавился.

«Слишком много событий для одного пасмурного мартовского дня», – думал отец Андрей, стоя в церковном сквере и закуривая сигарету.

В специальное подразделение Синодального отдела по связям с правоохранительными органами дьякон Андрей Берсенеv попал шесть месяцев назад. Архиерей Филарет, духовник и прямой начальник дьякона, выразился на этот счет вполне определенно:

– Его Святейшество уверен, что ваше присутствие в отделе принесет гораздо больше пользы, чем работа в Секретариате.

Дьякон не был в этом уверен и поделился своими сомнениями с архиереем.

– Все будет хорошо, – заверил его тот. – Работа вам понравится. Кроме того, вы по-прежнему сможете читать лекции в университете.

Последний довод оказался решающим, и отец Андрей со-

гласился. Его сразу предупредили, что заниматься ему придется довольно щекотливыми делами, не требующими огласки. Но он не думал, что первое дело будет настолько необычным.

Дьякон ворошил в уме факты из биографии Кишлевского, которая лежала у него в портфеле, стоя в церковном скверике и ожидая младшего лейтенанта Грановича, который должен был явиться с минуты на минуту.

В длинных смуглых пальцах отца Андрея дымилась сигарета. Дымок расплывался в синих сумерках, как капля чернил, упавшая в стакан с водой. По аллее сквера к дьякону приближалась стройная девушка. При взгляде на нее у дьякона в сердце засадила тупая игла. Отец Андрей отвернулся и стал смотреть на железную ограду сквера.

Легкие шаги девушки приближались. Вот она поравнялась с дьяконом и в следующую секунду должна была пройти мимо, но вдруг остановилась.

– Прошу прощения, – услышал отец Андрей у себя за спиной.

Он обернулся. Незнакомка стояла перед ним и серьезно разглядывала его лицо. Это была невысокая девушка со светлыми, почти платиновыми волосами, тщательно зачесанными назад. Миловидное лицо, светлые глаза. На аккуратном, чуть вздернутом носике очки в модной черной оправе, какие обожают носить бизнес-леди и редакторы женских журналов. Длинное светлое пальто строгого фасона было стяну-

то на тонкой талии широким поясом.

– Простите, вы – дьякон Андрей Берсенев? – спросила незнакомка. Голос у нее был довольно низкий, но при этом чистый и приятного тембра.

– Да, – ответил дьякон слегка растерянно. – А вы...

– Младший лейтенант Евгения Гранович, – представилась девушка. Она окинула долговязую фигуру отца Андрея задумчивым взглядом и сказала: – Вы не похожи на дьякона.

– Вот как, – неопределенно проговорил отец Андрей. – На кого же я похож?

– На полкового врача. На вас даже пальто сидит, как офицерская шинель. Капитан Соловьев сказал, что вы хотите осмотреть могилу Кишлевского?

Дьякон склонил голову в знак согласия.

– Но оперативники там все осматривали и ничего не нашли, – возразила девушка.

– Возможно, им просто не повезло. – Отец Андрей затаился сигаретой, выпустил облачко дыма и швырнул окурок в железную урну. – Я могу называть вас просто Женя? – осведомился он у девушки.

– Можете, – кивнула она.

– Женя, это ваше первое дело?

– Да. Я окончила юридический факультет и намереваюсь стать следователем прокуратуры.

– Но почему вы проходите практику в следственном отделе УВД, а не в прокуратуре?

– Потому что сама сюда попросилась. Я была уверена, что здесь занимаются серьезными делами.

Отец Андрей посмотрел на девушку понимающим и сочувствующим взглядом.

– Вы разочарованы? – спросил он.

Она подумала и ответила:

– Немного. По-моему, здесь все очевидно. Сторож положил глаз на золотые часы ксендза. Ночью он вырыл тело бедняги и сорвал у него с руки часы.

– Но тело священника исчезло, – возразил дьякон. – Куда оно могло деться?

– Вот это меня интересует в самую последнюю очередь, – сказала Евгения. – Кузнецов мог его выбросить. Мог продать какому-нибудь доморощенному патологоанатому. А мог скормить бродячим псам. Все три версии одинаково омерзительны. И абсолютно неинтересны.

Отцу Андрею пришлось сделать над собой усилие, чтобы не улыбнуться.

– Мелковато для первого дела?

Евгения натянуто улыбнулась и ответила:

– Угадали.

На улице совсем стемнело. Дул холодный ветер. Дождя не было, но воздух, пропитанный сыростью, казался тяжелым, душным и грязным, как пропитанная водой половая тряпка. Фонари покачивались под порывами ветра, высвечивая голые ветви деревьев, заставляя тени шевелиться и метаться из стороны в сторону.

Шагая по кладбищу, Евгения старалась не смотреть по сторонам. Слишком живо все это напомнило ей одну историю пятнадцатилетней давности. Она стояла, хрипло дыша, прижав котенка к груди и чувствуя спиной холодные кирпичи стены. Стояла и смотрела на мальчишек полными ужаса глазами. Бежать ей было некуда.

– Эй, ты что? – спросил один из мальчишек, невысокий и рыжий. – Чего тебе надо?

– Не убивайте его, – попросила Женя.

– Чего-о? – Рыжий оглянулся на вожака компании, рослого, крепкого мальчишку. – Слыхал, Костолом? – хохотнул он. – «Не убивайте его». Котенка, дура, пожалела!

Однако вожак пристально и задумчиво смотрел на девочку, словно на загадочное насекомое, которому неплохо было бы оборвать лапки.

– Мы не убьем его, – сказал он вдруг.

– Не убьем? – изумился рыжий.

– Да, не убьем. Но при одном условии.

Женя прижала котенка к груди и с ужасом уставилась на мальчишек. Нужно было спросить, о каком условии они говорили, но у Жени на это не хватало духу.

– Ну? – спросил заводила. – Ты не хочешь узнать, что это за условие? Или ты уже передумала спасти котенка?

– Я... – В горле у Жени пересохло. – Я хочу... Хочу спасти.

Заводила кивнул.

– Хорошая девочка. Мама, наверное, тобой гордится. Так вот, мы не убьем котенка и разрешим тебе его унести. Но за это ты пойдешь на кладбище и проведешь там полчаса. Одна. Ты согласна?

– Я?.. – При мысли о кладбище у Жени перехватило дух. Но тут котенок жалобно мяукнул у нее на руках, и она проворчала: – Я согласна.

– Что с вами? – спросил отец Андрей, тревожно посмотрев на девушку.

– Так, вспомнила кое о чем, – тихо ответила Евгения, неприязненно поглядывая по сторонам. – Не люблю кладбища.

– Я вас понимаю, – сказал дьякон. – Кладбище – территория мертвецов, и живой человек, оказавшийся здесь ночью, кажется сам себе чужеродным телом. Как овца, забредшая в волчью стаю. Но эти волки уже не укусят, уверяю вас.

Уверенный тон отца Андрея слегка приободрил Евгению. Однако резкий порыв пронизывающего ветра вновь заставил ее поежиться.

– Мы пришли, – сказал отец Андрей, останавливаясь перед большим деревянным крестом.

Дьякон тотчас достал из кармана фонарик и присел рядом с рыхлым холмиком земли на корточки.

Евгения не спешила следовать его примеру. Она стояла, сжимая руками в перчатках воротник пальто, и с неприязнью смотрела на деревянный крест и рыхлую землю свежей могилы. Отец Андрей обернулся, глянул мельком на девушку и сказал:

– Если вам неприятно здесь находиться, можете отойти к тем деревьям.

Евгения посмотрела на деревья и усмехнулась.

– Думаете, там мне будет уютнее? Спасибо, я останусь.

– В таком случае постарайтесь не наступать на рыхлую землю, – попросил отец Андрей.

Он направил луч фонарика на могильный холмик и принялся пристально изучать землю – сантиметр за сантиметром. Постояв несколько минут, Евгения передернула плечами и осведомилась:

– Ну, что там с землей?

– Рыхлая, – сообщил дьякон.

– Не может быть, – усмехнулась Евгения.

– Н-да, – пробормотал дьякон с досадой. – Если здесь и были какие-то следы, то их благополучно затоптали. Давайте посмотрим вокруг.

Он принялся исследовать землю вокруг могильного холма, особенно с той его стороны, которая была ближе к кладбищенским воротам. Евгения смотрела на его старания с нескрываемой насмешкой. Наконец она не выдержала.

– Послушайте, дьякон, не далее как два часа назад оперативники все тут осмотрели. Или вы собираетесь проползать на коленях все кладбище?

– Думаю, это не понадобится, – отозвался отец Андрей. Луч его фонарика скользил по бурой земле, высвечивая мелкие камни и впадинки, словно прожектор лунохода по поверхности Луны.

Прошло еще минут десять. Наконец отец Андрей поднял-

ся на ноги и, по-прежнему светя себе фонариком, прошел шага три. Вдруг он остановился. Даже не нужно было видеть лица дьякона, чтобы понять, что тот что-то обнаружил.

– Что? – спросила Евгения недоверчиво. – Вы что-то нашли?

– Похоже на то. – Отец Андрей направил луч на землю и сказал: – Взгляните на это.

Евгения уставилась на рыжий кружок света. Но единственным, что ей удалось разглядеть, был черный жук, одиноко бредущий между бурых комочков земли.

– Видите? – спросил отец Андрей.

Евгения вгляделась еще пристальнее и даже присела возле освещенного фонариком участка земли, но снова ничего не увидела.

– Что я должна увидеть?

– Да вот же! – Дьякон указал пальцем. – Это цифры!

Евгения слегка прищурила глаза за стеклами очков, силясь разглядеть цифры, о которых говорил отец Андрей. Постепенно ей стало казаться, что она действительно что-то видит.

– Ну? – нетерпеливо спросил отец Андрей. – Теперь видите?

– По-моему, да, – ответила Евгения. – Но я... не уверена.

Дьякон пошевелил рукой – луч фонарика упал на землю под другим углом. И Евгения наконец увидела.

– В самом деле, цифры! – воскликнула она, присаживаясь

на корточках. – И не только цифры. Тут есть еще буква. Буква «А»!

– Не затопчите, – сказал отец Андрей. Он вновь принялся методично осматривать землю – участок за участком. На этот раз Женя с ним не спорила, а наоборот – приняла в его поисках самое непосредственное участие.

«Все лучше, чем стоять под кладбищенскими березками и тарашиться на ползающего на четвереньках священника», – сказала она себе.

Однако дальнейшие поиски оказались безрезультатными. Больше никаких цифр или знаков на земле Евгения и отец Андрей не обнаружили и вынуждены были окончить поиски. Отец Андрей закурил сигарету, а Евгения, которая терпеть не могла табачного дыма, встала с наветренной стороны и сказала:

– Цифры и одна буква. И это в полутора метрах от могилы. Их мог намалевать кто угодно.

– Будем, однако, исходить из того, что их «намалевали» неспроста, – сказал отец Андрей.

– Возможно, эти знаки начертил на земле сам Кишлевский, – с холодной иронией предположила Евгения. – В тот момент, когда выбрался из гроба и отряхнул с одежды могильный прах.

Она думала, что дьякон усмехнется и ответит какой-нибудь шуткой, но отец Андрей был необычайно серьезен. Он молча курил сигарету. Тусклые вспышки освещали его ху-

дые щеки и темные, глубокие тени вокруг мерцающих глаз.
– Вы знаете, что означают эти цифры? – прямо спросила Евгения.

Лицо дьякона помрачнело, голос прозвучал тише и суровее.

– Я думаю, что эти цифры указывают на Священное Писание, – сказал он. – Запишите их, чтобы не забыть. А позже мы проверим, прав ли я.

Евгения достала из сумочки блокнот и ручку и записала:

А 13–11 18

Когда отец Андрей и Евгения, тихо переговариваясь, шли к кладбищенским воротам, из-за темных деревьев на освещенную фонарем дорожку вышел человек. Несколько секунд он просто стоял на дорожке, затем быстро зашагал навстречу дьякону и Евгении.

Евгения остановилась и сунула руку в карман, где у нее лежала связка ключей с массивным брелоком, которую при необходимости можно было использовать как кастет.

Отец Андрей заслонил собой девушку и тоже остановился.

– Отче! – громко сказал мужчина, подходя к дьякону. – Отче, мне нужно с вами поговорить!

Незнакомец был невысок, но коренаст. Его лоб и брови

скрывал капюшон черной куртки.

– Мы с вами знакомы? – спросил отец Андрей, вглядываясь в лицо мужчины.

Тот покачал головой:

– Нет. Но я видел вас возле могилы Кишлевского. Вы ведь приехали сюда по заданию Патриархии?

– Откуда вы знаете? – насторожился дьякон.

– Слухи, – уклончиво ответил мужчина. Он недоверчиво покосился на Женю и сказал, понизив голос: – Отче, я бы хотел поговорить с вами наедине.

– Лейтенант Гранович – моя коллега, – сказал дьякон. – Можете смело говорить при ней.

Незнакомец усмехнулся и отрицательно покачал головой.

– Она не поверит. Сочтет меня сумасшедшим.

– Либо при ней, либо никак, – отрезал отец Андрей.

Незнакомец подумал, вздохнул и пробормотал:

– Хорошо. В конце концов, это не так уж важно. По крайней мере, не важнее того, что я хочу сообщить. Отче, я знаю, кто похитил тело Кишлевского. Более того, я знаю, кто его убил.

– Я видел его, – продолжил незнакомец. – Видел убийцу. И он... не человек.

– Что это значит? – спросила Евгения.

– Я смотрел ему в лицо, когда он вошел в церковь, – сказал незнакомец, по-прежнему глядя только на отца Андрея. – Но сейчас я никак не могу вспомнить... – Мужчина виновато улыбнулся и привычным движением потер пальцами лоб. – Не могу вспомнить, – глухо повторил он. – И это выводит меня из себя.

– Вспомнить что? – спросил отец Андрей.

– Лицо, – тихо ответил незнакомец. – Его лицо. У меня хорошая память. Я помню лица всех прихожан, с которыми встречался отец Кишлевский в тот день. Но его лица я не помню.

– Вас это настораживает?

– Настораживает? – Мужчина усмехнулся. – Меня это пугает.

Незнакомец действительно выглядел испуганным. Он то и дело принимался вертеть головой, словно боялся внезапного нападения.

– Что вы сами об этом думаете? – спросил вдруг незнакомца дьякон.

– Я? – Мужчина нервно усмехнулся. – Я думаю, что это

был дьявол.

Дьякон и Женя переглянулись. Женя, которую рассказ незнакомца сначала напугал, а затем рассердил, решила взять инициативу в свои руки.

– Для начала успокойтесь, – строго сказала она незнакомцу. – И представьтесь. Кто вы и что здесь делаете?

Пристальный взгляд мужчины скользнул с дьякона на девушку, затем опять уперся в глаза священнослужителю.

– Ваша спутница не верит мне, – сказал он нервным голосом. – Но я видел его. Видел собственными глазами.

– Вы прислуживаете в церкви? – осведомился отец Андрей.

Незнакомец кивнул:

– Да. Уже год. Год назад отец Кишлевский помог мне найти дорогу к Богу. С тех пор я часто прихожу в церковь. Помогаю, чем могу.

– Вы нигде не работаете?

– Я бывший военный, а теперь пенсионер, – объяснил незнакомец.

– Было бы неплохо, если б вы представились.

Незнакомец вновь быстро огляделся по сторонам и сказал, понизив голос:

– Меня зовут Петр Каменков. Но это не имеет никакого значения. Смерть Кишлевского – это только начало. Впереди нас всех ждут тяжелые и страшные испытания.

Слова эти, сказанные поздним вечером среди голых дере-

вьев, освещенных тусклым, покачивающимся на ветру фонарем, в окружении могил и могильных холмов, прозвучали зловеще. Евгения вдруг с особой остротой ощутила запах сырой земли и гниющих прошлогодних листьев, прелые черные кучи которых лежали по обеим сторонам центральной аллеи.

Первым прервал молчание отец Андрей.

– Человек, о котором вы говорили, приходил на исповедь? – спросил он.

Мужчина кивнул:

– Да. Он вошел в исповедальную будку за минуту до ксендза. А вышел раньше. К тому моменту Кишлевский был уже мертв.

– Вы рассказали об этом следователю? – спросила Евгения.

Мужчина посмотрел на нее задумчивым взглядом и покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Если человек встретился с дьяволом, он идет не к следователю, он идет к человеку церкви. Дьявол – вне вашей юрисдикции, девушка. И боюсь, вне вашего понимания.

– И все же я попробую вас понять. Как он был одет?

Женя думала, что мужчина начнет возражать или спорить, но тот ненадолго задумался, после чего спокойно ответил:

– Длинное черное пальто. Среднего роста, стройный. Его лица, как я уже сказал, я совершенно не помню.

Вероятно, последняя фраза натолкнула незнакомца на какие-то другие, более важные и тревожные мысли, на что-то, о чем он долго думал, но вот сейчас забыл рассказать. Он быстро повернулся к дьякону и выпалил взволнованным голосом:

– Я еще хотел сказать... Когда я нашел падре в исповедальне, у него с лицом было что-то... неправильное.

– Что вы имеете в виду?

На губах мужчины появилась растерянная улыбка.

– Оно было почти черным. Как обугленная головня. Но к приезду оперативников с его лицом снова все было в порядке.

Евгения посмотрела на мужчину твердым, спокойным взглядом.

– Вы пьяны, – сказала она. – От вас пахнет алкоголем. Вы много выпили сегодня?

– Ровно столько, чтобы прийти в себя, – ответил мужчина. – Простите, святой отец, но я должен идти.

Мужчина повернулся и, сгорбившись, с капюшоном на голове, быстро зашагал по центральной аллее.

– Пойдите! – окликнула его Евгения. – Подождите!

Мужчина остановился, но не обернулся.

– Вы должны дать официальные показания! – крикнула ему Евгения. – Как с вами связаться?

Мужчина еще несколько секунд постоял молча. Затем задрал голову и посмотрел на небо.

– Скоро будет гроза, – сказал он. – Большая гроза. Помолитесь за меня, отче. Помолитесь за всех нас.

Мужчина снова сторбился и торопливо зашагал в сторону кладбищенских ворот. Евгения посмотрела ему вслед, пожелилась от холода и перевела взгляд на дьякона.

– Как вам этот сумасшедший? Видите ли, Кишлевского убил дьявол. И он же похитил тело ксендза из могилы. Больше чуши и придумать нельзя.

– Но ведь могила Кишлевского пуста, – задумчиво проговорил отец Андрей.

Женя посмотрела на дьякона удивленно.

– Не слишком подходящее место для шуток, – сказала она. – Я предпочитаю искать всему разумное объяснение.

– Какое, например?

Женя пожала плечами.

– Этот человек пьян. Не исключено, что он алкоголик. Люди, страдающие белой горячкой, часто видят галлюцинации.

Отец Андрей кивнул в сторону пустой могилы и сказал:

– Но ведь это не галлюцинация. Да и не похож он на человека, страдающего белой горячкой.

– Иногда глупости мерещатся и трезвому человеку, – строго сказала Женя. – Особенно если он сильно чем-то расстроен или потрясен. Прочтите об этом у Юнга.

Отец Андрей был хмур и задумчив. Видно было, что встреча с кладбищенским алкоголиком произвела на него гнетущее впечатление.

«Какой чувствительный, – подумала Женя, искоса поглядывая на дьякона. – А еще мужчина». Но отчего-то чувствительность отца Андрея вызвала у нее симпатию. Вглядываясь в лицо дьякона, она открыла, что он весьма и весьма недурен. Ему бы еще снять этот нелепый подрясник и надеть что-нибудь поприличнее – получился бы видный парень. Впрочем, подрясник придавал ему шарм. В этом было что-то романтическое.

– Если этот человек говорил правду и Кишлевского убили, то нужно заняться тщательными поисками улик, – сказала Женя. – Пока улик нет – нет и преступления.

– Иногда улик нет, а преступление есть, – заметил дьякон. Евгения усмехнулась и поправила пальцем очки.

– Принцип Локара гласит, что между преступником и жертвой на месте преступления всегда происходит обмен вещественными доказательствами, хотя бы на уровне микрочастиц. Это знает каждый криминалист.

Она покосилась на дьякона, ожидая его возражений, но вместо ответа он выставил вперед руку ладонью кверху, задрал голову и сказал:

– Дождь начинается.

И тут же, словно кто-то наверху дожидался этих слов, с неба хлынул настоящий ливень.

– Бежим! – крикнула Евгения.

– Но там ямы! – возразил дьякон.

– Но так быстрее!

Дьякон хотел еще что-то сказать, но Женя его уже не слушала. Пригнув голову, она побежала к автостоянке напрямик – мимо свежерытых могил. И она их почти миновала, когда вдруг поскользнулась на мокрой глине, упала и кубарем покатилась в черный провал могилы.

Младший лейтенант Евгения Гранович сидела на диване, закутавшись в красный махровый халат отца Андрея. Из-под полы халата торчали ее узкие ступни в белых шерстяных носках. Влажные светлые волосы девушки были распущены. В руках Женя держала огромную чашку с горячим чаем.

Сделав глоток чая, который обжег ей язык, Женя сказала: – Спасибо за то, что приютили и обогрели. Не знаю, что бы я без вас делала.

Лицо девушки было хмурым и сосредоточенным – похоже, это выражение не покидало его никогда.

– Что вы сказали маме? – спросил отец Андрей, закуривая сигарету.

– Сказала, что переночую у подруги. – Евгения усмехнулась. – Если бы она узнала правду...

Дьякон бросил спичку в пепельницу и спросил:

– Она бы ужаснулась?

Евгения покачала головой:

– Нет. Она пришла бы в дикий восторг. Она считает, что я слишком правильная. Не пью, не курю, почти не обращаю внимания на противоположный пол. Моя мама совсем не такая.

– Обычно бывает наоборот, – заметил дьякон.

– Обычно да, – задумчиво ответила Евгения. – Вы обеща-

ли рассказать, что означает буква «А» и эти числа – тринадцать-одиннадцать и восемнадцать.

Сигарета дотлевала, и отец Андрей затушил ее о дно пепельницы.

– Буква «А» может обозначать Апокалипсис. Тринадцать – номер главы Апокалипсиса. А одиннадцать и восемнадцать...

– Это номера стихов! – договорила за него Женя, возбужденно блеснув глазами. Она поставила чашку с недопитым чаем на стол, протянула руку к тумбочке и взяла Евангелие. Затем зашелестела страницами в поисках нужных строк.

– Я могу прочесть вам эти строки наизусть, – сказал отец Андрей.

– Не надо. Я уже нашла. Вот: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли. Он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон». – Женя подняла взгляд на отца Андрея и спросила: – Зверь, о котором здесь говорится, это ведь Антихрист?

Дьякон кивнул.

– Похоже, все гораздо сложнее, чем я думала, – сказала Евгения, нахмутив лоб. – Не удивлюсь, если человек, похитивший тело Кишлевского, окажется сумасшедшим. Нынче у многих едет крыша на религиозной почве.

Женя вновь опустила взгляд на страницу, отыскивала глазами второй стих и снова прочитала вслух:

– «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число че-

ловеческое. Число его – шестьсот шестьдесят шесть». – По губам девушки пробежала усмешка. – Число Антихриста, – проговорила она презрительно. – Неужели все настолько банально?

Отец Андрей пристально посмотрел на девушку. Потом, отпив немного из своей чашки, откинулся на спинку кресла и пощелкал языком.

Женя пожала плечами и еще раз перечитала строки Апокалипсиса. Зверь с рогами, как у агнца, выходящий из земли... Число шестьсот шестьдесят шесть... Со страниц Нового Завета на нее словно повеяло спертым и душным воздухом Средневековья. И это в двадцать первом-то веке! Какая чушь!

Дьякон меж тем закурил новую сигарету.

– Итак, давайте рассуждать логически, – заговорил он после того, как швырнул спичку в пепельницу. – Отец Кишлевский умер. Причина смерти – внезапная остановка сердца. Незадолго до смерти Кишлевский принимал исповедь у загадочного прихожанина. Прихожанин ушел, а Кишлевский остался сидеть в исповедальной будке, поскольку к этому моменту он был уже мертв. Вывод: священника убил таинственный прихожанин. Свидетель – Петр Каменков – утверждает, что этот прихожанин – дьявол.

Женя отхлебнула чай и сухо произнесла:

– Тело Кишлевского выкопал из могилы кладбищенский сторож. Выкопал, чтобы добраться до золотых часов. Забрав

часы, он избавился от тела. А когда узнал, что разоблачен, – испугался и повесился. По-моему, все просто.

– По-вашему, именно так поступают люди, когда пугаются? – поинтересовался дьякон.

Женя пожала плечами.

– Кузнецов действовал в состоянии аффекта. Не исключая, что он был пьян. Ну, или находился под действием какого-нибудь наркотика. Уверена, что экспертиза это подтвердит.

Дьякон прищурил золотисто-карие глаза.

– Ваша версия звучит логично, – сказал он. – Но не забывайте о том, что нам рассказал Петр Каменков.

– Если у вас есть своя версия – изложите ее, – сказала Женя строгим голосом.

– Пожалуйста, – кивнул отец Андрей. – Незвестный преступник сначала убил священника, а потом выкопал его тело из могилы. Копать ему помогал сторож Кузнецов. Когда дело было сделано, Кузнецов получил в награду золотые часы священника.

Женя задумчиво посмотрела на свои пальцы, сжимающие ручку чашки.

– Но кому мог понадобиться мертвец? – спросила она. – И потом, что значит этот след ботинка на рыхлой земле? Вы ведь не думаете, что Кишлевский сам встал из гроба?

Отец Андрей выдохнул густую струю дыма и отхлебнул из чашки. На мгновение он представил себе, как ксендз Ки-

шлевский встает, подобно вурдалаку, из могилы, отряхивает с одежды пыль и грязь и, безумно сверкнув глазами, шагает по рыхлой земле к сторожке Кузнецова. Там он снимает с руки золотые часы и передает их кладбищенскому сторожу, как плату за то, чтобы сторож держал язык за зубами.

– Евгения, я уверен, что...

Но, взглянув на девушку, дьякон оставил фразу незаконченной. Женя клевала носом над чашкой с остывшим чаем.

– Женя! – окликнул ее отец Андрей.

Девушка открыла глаза.

– Что? – тихо спросила она. – Вы что-то сказали?

– У вас глаза закрываются, – мягко произнес отец Андрей. – Вам пора спать.

Женя зевнула, прикрыв ладошкой рот.

– Так устала, что прямо с ног валюсь, – сообщила она.

– Я постелю вам в спальне, а сам лягу на диване в гостиной.

Евгения нахмурилась и покачала головой:

– Нет. На диване лягу я. Вы с вашим ростом на нем не поместитесь.

– Да, но вы девушка.

– Никаких возражений, – отрезала Женя. – И перестаньте называть меня девушкой. Для вас я – младший лейтенант Гранович.

Выплюнув песок, он вскинул ружье и выстрелил прямо в потное, гладко выбритое лицо бандита, затем отбросил бесполезный уже карабин и откатился в сторону. «Главное в рукопашном бою – чтобы не кончились патроны», – как насмешка, пронеслись у него в мозгу слова ротного.

Под рукой блеснуло лезвие охотничьего ножа. То самое лезвие, которым пять минут назад один из боевиков перерезал горло молодому парню-вэвэшнику. Он схватил нож и снова откатился в сторону. Фонтан песка, выбитый из земли автоматной очередью, обжег ему щеку. Глаза забились песком, но он успел увидеть черную тень, взметнувшуюся над ним, и ударил в эту тень ножом.

Тень превратилась в огромную голову чудовища, и эта голова склонилась над ним и оглушительно рыкнула. Он отшатнулся от огнедышащей, зловонной пасти – и проснулся.

Открыв глаза, отец Андрей тут же опять зажмурил их от яркого света, бывшего в окно. Несколько секунд он не мог понять, где находится. Лишь сообразив, что эта комната – спальня в его собственной квартире, он позволил телу расслабиться.

Часы показывали восемь часов утра. Погода за окном не радовала и не настраивала на жизнелюбивый лад. Бледно-серое небо, черные абрисы деревьев на фоне многоэтажек, по-

хожих на торчащие из земли огромные скелеты доисторических чудовищ.

Поднявшись с постели, Андрей Берсенеv подошел к DVD-проигрывателю. Легкое нажатие указательного пальца – и в комнате, освещенной серым утренним светом, зазвучали первые ноты композиции «Magic Women» Карлоса Сантаны.

I got a black magic woman
got me so blind I can't see...

Дьякон принялся разминать суставы и мышцы, стараясь не думать о кошмарном сне.

I got a black magic woman
she try'in to make a devil out of me.

Тридцать подтягиваний на перекладине, триста отжиманий от пола, сто быстрых приседаний с грифом штанги на плечах – такая разница взбодрит кого угодно.

Покончив с зарядкой, дьякон выволок на середину комнаты боксерский мешок, висевший на специальном тросе под потолком, и принялся осыпать его ударами. Он бил и бил, не остервенело, но методично и жестоко, словно черный мешок был сосредоточием мирового зла, и процедура изгнания этого зла из мира требовала не гнева и не страсти, а одного только усердия. Через десять минут дьякон остановился, привел в порядок дыхание и убрал мешок за шкаф.

Приняв ледяной душ, Берсенов растер тело махровым полотенцем. Когда он выходил из душа, на его пути возникла Женя. Она, как и вчера, была одета в махровый халат. Заспанное и припухшее от сна лицо девушки делало ее еще моложе.

– Доброе утро, – сказала Женя и зевнула. Заметив шрамы на плече и спине дьякона, она вскинула брови и спросила: – Что это?

– А, уже встали. – Отец Андрей улыбнулся. – Доброе утро, товарищ младший лейтенант!

– Доброе. Так что это – у вас на плече?

– Мое прошлое, – ответил дьякон. – Идите умываться, а я пока приготовлю нам завтрак и сварю кофе.

Женя несколько секунд с любопытством разглядывала его тело, затем, словно опомнившись, поспешно отвела взгляд.

– Я не пью кофе, – сказала она.

– Ах, да, – вспомнил отец Андрей. – Ни кофе, ни алкоголя, ни сигарет. В таком случае я заварю вам зеленый чай с лимоном. Против этого вы не станете возражать?

– Нет.

– Вот и отлично.

Через пять минут, выходя из ванной, Женя услышала доносящийся из кухни свист кофеварки. Она улыбнулась, представив себе, как дьякон хлопочет возле плиты. Кухонные хлопоты как-то не сочетались с его интеллигентным лицом и романтическим обликом. «Впрочем, иногда и богам

приходится обжигать горшки», – усмехаясь, решила Женя.

Спустя минуту отец Андрей вошел в гостиную, неся одной рукой поднос с чашками, а другую, мокрую, вытирая о старые джинсы. Женя уже сидела в кресле.

Примостившись в кресле напротив и поставив поднос на столик, дьякон смущенно сказал:

– У нас мало времени. Через двадцать минут я должен выйти из квартиры, а через час – беседовать с начальником отдела, в котором работаю. Так что бутерброды придется дожевывать на ходу.

– Мне тоже пора, – сказала Евгения. – С отчетом к капитану Соловьеву. Я обязана сообщить ему о новом свидетеле. И о цифрах, которые были начерчены на земле.

– Может, не стоит о цифрах? – сказал дьякон, поднося к губам чашку.

– Я обязана это сделать, – сказала Женя спокойно. – Кроме того, я должна найти Петра Каменкова и заставить его повторить свои показания. Они должны быть запротоколированы. – Женя отхлебнула чаю и прищурила на дьякона близорукие глаза. – Вы ведь не станете мешать следствию? – с едва заметной усмешкой спросила она.

– Что вы, конечно нет.

Женя кивнула. Только сейчас, за чаем, она получила возможность хорошенько разглядеть лицо Андрея Берсенева, и лицо это – худощавое, смуглое, чуть скуластое, с тонким носом и резким изломом черных бровей – показалось ей по-

ходим на лицо средневекового пирата. Картину довершали длинные и чрезвычайно густые каштановые волосы, зачесанные назад. Не хватало только банданы на голове и двух пистолетов за поясом.

– Вы не против, если мы посмотрим криминальные новости? – спросил отец Андрей.

– Я только за, – ответила Женя, хотя терпеть не могла криминальных новостей. Она никогда не считала себя чувствительной натурой, и ее абсолютно не коробили фотографии, сделанные на местах преступлений. Кадры оперативной съемки Женя смотрела без всякого душевного содрогания. Но на экране телевизора эти кадры приобретали иной – отвратительный, пугающий и тошнотворный – оттенок. Телеэкран не просто показывал, он словно выворачивал распотрошенные тела жертв наизнанку и вываливал их прямо в комнату.

– Если хотите, я не буду включать, – сказал отец Андрей, заметив тень, пробежавшую по лицу девушки.

– Глупости, – небрежно сказала Женя. – С чего бы мне не хотеть? Я профессионал.

– Да, но на экране телевизора это выглядит пугающе откровенно.

«Он что, мысли мои читает?» – с некоторой досадой подумала Женя.

– Включайте, – сказала она вслух.

Отец Андрей нажал на кнопку пульты, и говорящая голова

на экране телевизора забубнила:

«...Два дня назад известный ученый-генетик Виктор Павлович Абрикосов был найден мертвым у себя в лаборатории. Сегодня стало известно, что причин для возбуждения уголовного дела у следственных органов нет. Экспертиза показала, что причиной смерти ученого стала внезапная остановка сердца. Похороны состоятся сегодня в шестнадцать часов. А теперь к другим новостям...»

Женя схватила пульт и выключила звук. Затем повернулась к дьякону и взволнованно проговорила:

– Кишлевский до принятия сана тоже был генетиком!

– И неплохим генетиком, – кивнул отец Андрей. – Сегодня же наведу справки об этом Абрикосове. Поговорю с его родственниками.

– Хорошая идея, – кивнула Женя и смущенно добавила: – Но у меня не будет времени, чтобы вас сопровождать. Вы справитесь сами?

Отец Андрей кивнул, взял чашку и залпом допил свой кофе.

Профессор Абрикосов оказался старым холостяком. У него осталась всего одна родственница – его младшая сестра. Сорокатрехлетняя старая дева, проживающая (вернее, проживавшая) в одной квартире с профессором и зарабатывающая себе на жизнь шитьем платьев на дому.

Отец Андрей не без волнения набрал ее телефонный номер. Вера Павловна Абрикосова сняла трубку почти сразу. У нее был хриплый, низкий голос. На просьбу дьякона она ответила просто:

– Приезжайте.

Ответ был таким быстрым, что дьякону сделалось неловко.

– Мне бы не хотелось вам мешать...

– Никаких проблем, – так же просто ответила женщина. – Я не занимаюсь организацией похорон. Всю эту печальную суету я переложила на плечи похоронного агентства. Когда вас ждать?

– Через час.

Вера Павловна положила трубку.

Через час дьякон был на месте. Сестра профессора Абрикосова оказалась высокой черноволосой женщиной с худым лицом и насмешливым взглядом. Одета она была в темное, сильно декольтированное платье, излишне навязчиво под-

черкивающее ее роскошный бюст, длинную шею и тонкую талию. Открыв дьякону дверь и поздоровавшись, Вера Павловна пристально уставилась на его подрясник.

– Вот это да, – пробормотала она озадаченно. – Вы так и ходите по городу?

– Да, – ответил отец Андрей. – Но не всегда. Можно войти?

– Входите. – Вера Павловна посторонилась, впуская отца Андрея в прихожую. – Не разувайтесь, дружочек, проходите так.

В гостиной дьякон вежливо проговорил:

– Вера Павловна, примите мои соболезнования. Я не задержу вас надолго. Десять минут, не больше.

– Да нет проблем, – пожала плечами Вера Павловна. – Вы смотрите на меня удивленно? Я не сильно похожа на скорбящую сестру, не так ли?

– Каждый скорбит по-своему, – дипломатично ответил отец Андрей.

– Тут вы правы. Когда Витя умер, я была в шоке. Но сейчас... Сейчас я чувствую себя вполне сносно. Вероятно, я плохая сестра.

Вера Павловна вздохнула и посмотрела на свои ногти.

– Мы с Витей никогда не были особенно близки, – сообщила она. – Мы не виделись годами, а когда я поселилась у него – так и не смогли сойтись близко. Кроме того, у нас большая разница в возрасте. – Вера Павловна покосилась на

отца Андрея и с любопытством спросила: – Дьякон, могу я узнать, почему вы интересуетесь моим братом?

– Я служу в отделе Патриархии по связям с правоохранительными органами, – объяснил отец Андрей. – Иногда, по долгу службы, мне приходится заниматься расследованием...

– Дружочек, мой брат умер от сердечного приступа, – пожала плечами Вера Павловна. – И я не понимаю, что здесь нужно расследовать. И вообще, с каких это пор священники занимаются расследованием преступлений?

Отец Андрей смиренно опустил глаза.

– Вера Павловна, – тихо сказал он, – если мое присутствие раздражает или огорчает вас – я немедленно уйду.

Несколько секунд женщина молчала, разглядывая дьякона, затем усмехнулась и сказала:

– Да нет, отчего же. Вы меня не раздражаете, даже наоборот. Я ожидала увидеть такого «батюшку» с сальными волосами и огромным животом. А вместо него пришел молодой Киану Ривз. Хотите кокаину? – неожиданно спросила Вера Павловна.

Дьякон изумленно посмотрел на женщину и выдавил из себя улыбку, думая, что она шутит.

– Нет? – Вера Павловна усмехнулась. – А я, с вашего разрешения, пробегусь по «дорожке». Вы тут как-нибудь развлекайтесь, а я вернусь через минуту.

Женщина повернулась и, мгновенно потеряв к гостю вся-

кий интерес, пошла прочь из комнаты.

– Вера Павловна! – окликнул ее дьякон. – Пока вы будете заняты, могу я осмотреть кабинет Виктора Павловича?

Абрикосова, не оборачиваясь, махнула рукой:

– Валяйте.

Кабинет генетика оказался небольшим, но чрезвычайно изящно обставленным помещением. Резной письменный стол на толстых ножках, покрытый зеленым сукном. Пара стульев из красного дерева с бронзовыми вставками и шишечками на спинках. Старинное кабинетное кресло и старинный книжный шкаф, уставленный книгами. В углу комнаты – небольшой камин, а на нем – бронзовая фигура вставшего на дыбы коня, сбросившего с себя всадника. Все здесь дышало основательностью и любовью к старине.

На стене, позади стола, висела небольшая гравюра в черной лакированной рамке. Отец Андрей подошел поближе и принялся ее рассматривать. Картинка была довольно устрашающая.

– Нравится? – услышал отец Андрей у себя за спиной.

Он обернулся и вежливо улыбнулся беззвучно вошедшей Вере Павловне:

– Интересная гравюра.

Вера Павловна остановилась рядом. Она выглядела заметно оживленнее, чем две минуты назад. В ее темных глазах блестели озорные огоньки. В бледных пальцах она сжимала

длинный дамский мундштук, в который была вставлена дымящаяся сигарета.

– Это рисунок из книги «Адский словарь», выпущенной в середине девятнадцатого века, – объяснила Вера Павловна. – Мой брат получил ее в подарок на одной научной конференции.

– Давно?

– С полгода назад.

Вера Павловна ткнула концом мундштука в стекло гравюры.

– Это Асмодей, предводитель чертей. У него три головы: одна бычья, вторая человеческая, а третья – овечья. Он сидит на адском драконе и держит в руке копье.

– Вижу, вы неплохо знакомы с этим господином, – сказал отец Андрей.

– К счастью, не лично, – заметила Вера Павловна и хрипло рассмеялась. – Кстати, – продолжила она со смехом, – именно этот демон помог царю Соломону построить храм, и он же передал Соломону колдовскую книгу. После того как храм был построен, Асмодей перехитрил Соломона и забросил его на край света. Избавившись от царя, Асмодей занял его трон. Но вскоре Соломон вернулся и доказал, что он и есть настоящий правитель. Монстр был изгнан в преисподнюю. Надеюсь, я вас не утомила столь подробным рассказом?

– Вовсе нет, – ответил отец Андрей.

Вера Павловна кивнула:

– Хорошо. Этот Асмодей – что-то вроде зверя-Антихриста, который после конца света будет править миром, пока Иисус не сбросит его с трона. Жуткая образина, правда?

Отец Андрей усмехнулся:

– Которая из трех?

– Овечья мне кажется самой безобидной, – весело ответила Вера Павловна. – Кстати, в Новом Завете Иисус тоже выступает в роли агнца – то есть овцы.

Дьякон хотел что-то сказать, но тут его внимание привлекла еще одна картинка. Это была вырезка из журнала, вставленная за стекло книжного шкафа.

– А это...

– Овечка Долли, – небрежно качнула мундштуком Вера Павловна. – Первое клонированное млекопитающее. Когда-нибудь человечество поставит этому «агнцу» памятник.

Дьякон с сомнением покачал головой:

– Не думаю.

– А я уверена, что так и будет. В момент рождения Долли для человечества наступила новая эпоха. – Вера Павловна затянулась сигаретой и, выпустив струйку дыма уголком рта, иронично добавила: – В этом мире от смешного до великого один шаг!

Отец Андрей взял с тумбочки толстую книгу в красном переплете. На обложке красовалось оттиснутое золотом название – «New Testament». Дьякон раскрыл книгу наугад и увидел заголовок: «The Revelation To John».

Вера Павловна заглянула через его плечо и хмыкнула.

– Апокалипсис Святого Иоанна. Эту часть Нового Завета

Витя читал чаще всего.

– Почему на английском? – поинтересовался дьякон.

– Витя говорил, что его раздражают высокопарности и нелепости русского текста. Английский текст Библии казался ему более читабельным.

Отец Андрей быстро пролистал страницы, надеясь найти какую-нибудь пометку, однако пометок не было.

Дьякон посмотрел на изображение овечки Долли, скользнул взглядом по страшной гравюре, изображающей демона Асмодея, и нахмурился.

– В последние дни у профессора было много посетителей? – спросил он.

Вера Павловна ненадолго задумалась, затем покачала головой:

– Нет, не особо. Виктор всегда был нелюдим.

– А вы помните всех, кто приходил к нему в последние дни? – спросил отец Андрей.

По лицу женщины пробежала тень. Она посмотрела на дьякона темными, блестящими, накокаиненными глазами и тихо проговорила:

– Вас, наверное, интересует человек, который приходил к Вите перед самой его смертью?

– Да, – ответил дьякон, взволнованно подавшись вперед. – Кто он?

– Он... – Вера Павловна задумалась, потом нахмурилась. – Это странно, но я совершенно не помню его лица. А ведь я впустила его в дом.

– Так вы его не знаете?

Она покачала головой:

– Нет. Он никогда прежде не бывал у Вити в гостях.

Дьякон сдвинул брови и задумчиво поскреб ногтем переносицу.

– Вспомните, пожалуйста, подробности этого посещения.

– Ну, я ведь не присутствовала при их беседе. Он вошел к Вите в кабинет, пробыл там... довольно долго. Потом вышел. После его ухода Витя заперся у себя в кабинете и не выходил до самого ужина. Он и за ужином со мной не разговаривал. Был хмур и все о чем-то размышлял. После ужина он снова ушел к себе в кабинет. А когда я пришла спросить, не хочет ли он чаю, я увидела, что он мертв.

– Он умер здесь, в кабинете? – быстро спросил отец Андрей.

Вера Павловна вздохнула и указала мундштуком на кресло:

– Прямо в этом кресле.

Отец Андрей помолчал, обдумывая информацию, затем осторожно спросил:

– Вера Павловна, а с лицом профессора... не произошло ничего странного?

Дьякон заметил, что при этих словах женщина слегка по-

бледнела, а в ее темных глазах мелькнула тревога.

– О чем вы? – хрипло и недоуменно спросила она.

Дьякон Андрей вновь припомнил наставления архиерея Филарета и спросил прямо:

– После смерти у Виктора Павловича потемнело лицо. Я прав?

– Откуда... – Голос Веры Павловны сорвался на сиплый шепот. Несколько секунд она смотрела дьякону в глаза, затем отвела взгляд. – Я не хотела об этом говорить, – прошептала она. – Боялась, что меня примут за сумасшедшую.

Дьякон молчал, ожидая продолжения монолога. Но вместо этого женщина вдруг подозрительно спросила:

– А откуда вы про это знаете?

– Недавно один мой знакомый умер такой же странной смертью. Лицо его потемнело. Стало почти черным. Но к тому моменту, когда приехали врачи, чернота сошла с него.

– Мне это кажется ужасным, – тихо проговорила Вера Павловна, глядя на дьякона расширившимися, блестящими глазами. – Я пыталась рассказать врачам, но они и слушать меня не стали.

– А вы...

– Хватит об этом, – неожиданно оборвала Вера Павловна и сжала виски пальцами. – Не хочу больше говорить о смерти. И об этом чудовище... – Она кивнула в сторону гравюры, изображающей демона, – ...тоже не хочу! Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

– Да, но я...

Вера Павловна закрыла рот дьякона тонкими бледными пальцами.

– Вы слишком красивы для священника, – сказала она своим хриплым, глубоким голосом. – Впрочем, я вам об этом уже говорила.

Вера Павловна приблизилась к дьякону почти вплотную и положила ему на плечи тонкие, удивительно правильной формы руки. От нее шел густой, обволакивающий запах дорогих духов. Приоткрытые губы обнажили полоску белоснежных зубов. Пышная грудь Веры Павловны страстно вздымалась, дыхание было жарким, глубокий голос звучал вкрадчиво.

– Вы не очень спешите? – тихо спросила она.

– А что?

Вера Павловна улыбнулась:

– У меня в баре есть бутылка «Хеннесси». Витя привез ее месяц назад из Парижа. Если хотите, разопьем ее вместе.

Дьякон нахмурился и сухо ответил:

– Боюсь, не получится.

Пальцы женщины, лежащие на плечах отца Андрея, стали горячими – он почувствовал это сквозь ткань подрясника.

– Бросьте, дьякон, – грубо сказала она. – Вы потревожили меня в такой день. Я согласилась с вами встретиться, несмотря на скорбь. Вы виноваты и должны загладить свою вину. – Она улыбнулась. – Как, вы сказали, вас зовут? Андрей? В пе-

реводе с греческого это означает «мужественный». Мне кажется, это имя вам очень подходит.

Лицо Веры Павловны было так близко от лица дьякона, что их губы почти касались.

– Я ведь вам нравлюсь? – тихо сказала она. – Не отпирайтесь, я читаю это в ваших глазах. Вы часто задышали. Ваш лоб покрылся испариной. Вы хотите меня, как всякий мужчина. И в этом нет ничего постыдного или греховного. Бог создал женщину, чтобы она дарила мужчине любовь. Никакого другого предназначения у нее нет.

У Веры Павловны был необыкновенный голос, он дурманил и кружил голову не хуже кокаина. Губы ее слегка коснулись щеки дьякона.

– Если вы останетесь, это вас ни к чему не обяжет, – прошептала она. – Я умею любить. Боже, как я умею любить. И если вы останетесь, я буду любить вас!

Голос женщины гипнотизировал дьякона, прокрадывался в его душу и лишал его воли.

– Ну, что же вы молчите?

– Я... Мне нужно идти.

Отец Андрей повел плечами, высвобождаясь из цепких, как у хищной птицы, пальцев женщины. Вера Павловна печально улыбнулась.

– Жаль, – со вздохом сказала она. – Мы бы неплохо провели вместе время. Впрочем, нет так нет. Я выпью «Хеннеси» в одиночестве, как и подобает старой деве.

– Такая красивая дама, как вы, легко найдет себе пару, – сказал отец Андрей, окончательно стряхнув с себя чары женщины.

– Это правда, – кивнула Вера Павловна, ленивым жестом доставая из невесты откуда взявшегося золотого портсигара сигарету. – Но сегодня я захотела вас. Не думала, что вы устоите. Вероятно, я теряю форму.

– Вовсе нет, – тихо отозвался отец Андрей. – Но мне действительно пора. – Он помолчал немного, позволяя атмосфере вернуться в деловое русло, затем сказал предельно вежливо и деловито: – Вера Павловна, у меня к вам просьба.

– Какая? – небрежно спросила она.

– На полке у вашего покойного брата стоит жестяная коробка с нюхательным табаком. Виктор Павлович нюхал табак?

Вера Павловна посмотрела на полку.

– А, вы про этот. Случалось. Особенно после ужина. У Вити были старомодные привычки.

– Могу я ее забрать?

– Валяйте. Мне она уже не нужна.

Дьякон взял с полки коробку и сунул в сумку. Вера Павловна тем временем вставила сигарету в мундштук и закурила.

– Вы славный молодой человек, – сказала она спокойно. – И мне искренне жаль, что у нас с вами ничего не получилось. Если передумаете – звоните. Я буду ждать. А теперь идите.

Провожать я вас не стану.

– Спасибо за разговор, – сказал отец Андрей и, распрощавшись с женщиной, зашагал в прихожую.

Оказавшись на улице, дьякон полной грудью вдохнул холодный, бодрящий воздух. Он до сих пор чувствовал аромат духов Веры Павловны, чувствовал будоражащий запах ее тела. И до сих пор видел перед собой ее глубокие, как бездна, гипнотизирующие глаза.

Дьякон вставил в рот сигарету, усмехнулся и пробормотал:

– Еще чуть-чуть, и она бы меня проглотила.

Чтобы окончательно прийти в себя, отец Андрей зашел в ближайший бар и выпил рюмку вермута. Затем заказал себе большую чашку крепкого кофе.

Проходя мимо отца Андрея, посетители бара удивленно косились на него. Вид молодого священника, сидящего за столиком бара с сигаретой в руке, был столь необычен, что люди, миновав столик дьякона, еще долго шушукались у него за спиной. Впрочем, наш герой, погруженный в свои мысли, не обращал на них никакого внимания.

Кофе был почти выпит, когда в сумке у дьякона задребезжал телефон. Звонила Женя.

– Отец Андрей, – взволнованно выпалила она, – я звоню вам, чтобы сообщить несколько новостей. Во-первых, неподалеку от места, где мы с вами обнаружили цифры, я нашла железный прут. Он был испачкан землей. Я отдала прут в лабораторию. Наши химики провели нингидриновый анализ и обнаружили скрытые отпечатки пальцев.

Отец Андрей почувствовал, как вспотели его собственные пальцы, сжимающие телефонную трубку.

– Вы смогли их идентифицировать? – спросил он, скрывая волнение.

– Да. Это отпечатки отца Кишлевского, – торжественно сообщила Женя.

Отец Андрей перевел дух.

– Вы понимаете, что это значит? – снова затараторила Женья. – Цифры на земле начертил сам Кишлевский. И отпечаток обуви на земле принадлежит ему. Это значит, что священник жив! Я нашла врача, который установил факт смерти Кишлевского, и серьезно с ним побеседовала.

– Насколько серьезно? – уточнил отец Андрей.

Евгения хмыкнула.

– В конце беседы ему понадобился валидол. Так вот, сначала доктор Белкин – так его зовут – возмущался и отпибался. Но потом, когда я ткнула его физиономией в результаты анализа, он испугался и заявил, что ошибки случаются у каждого врача, что медицина, и патологоанатомия в частности, наука неточная. Ну, и так далее, в том же духе. Я побеседовала с коллегами Белкина и узнала, что человек он ненадежный да и профессионал неважный. Два года назад лечился от алкоголизма. Начинал как хирург, но потом его вышибли из клиники за пьянство.

Дьякон обдумал слова Жени и поинтересовался:

– И какой вывод вы из этого сделали?

– Рациональный, – ответила она. – Врач, констатирующий факт смерти Кишлевского, ошибся, и бедного священника похоронили живьем. Возможно, падре страдал какой-нибудь болезнью и периодически впадал в оцепенение. Я читала, что такое бывает при нарколепсии...

– Не думаю, что...

– Не перебивайте, дьякон! Дайте мне сутки, и я обязательно все выясню. На мой взгляд, картина преступления выглядит следующим образом. Во время похорон священника сторож Кузнецов увидел на его запястье золотые часы. Дождавшись ночи, Кузнецов выкопал труп и забрал часы. Уж не знаю, какой болезнью страдал Кишлевский, но в этот момент он пришел в себя. Сторож испугался и убежал. Кишлевский встал из гроба и побрел по кладбищу. Заметьте – своими ногами: топ-топ-топ.

– Но перед тем, как уйти совсем, он поднял с земли железный прут и для чего-то начертил на земле букву «А» и несколько цифр, – напомнил отец Андрей. – Можете мне объяснить, зачем он это сделал?

Женя помолчала, затем недовольно проговорила:

– Этого я пока не знаю. Но впереди у нас большая работа. Прежде всего нужно разыскать Кишлевского. Если вам интересно мое мнение, я считаю, что падре не в себе. Возможно, у него временное помешательство. Ну, или шок. Я не удивлюсь, если через два дня мы опознаем Кишлевского в одном из бомжей, ночующих на Павелецком вокзале. Кстати, я пыталась разыскать Петра Каменкова. Он действительно прислуживал в церкви. Но со дня смерти Кишлевского его никто не видел. Дома его тоже нет. Телефон молчит.

– Вероятно, он испугался и «залег на дно», – предположил отец Андрей. – Кстати, его показания подтвердились.

– Что вы имеете в виду?

– Я только что беседовал с сестрой генетика Абрикосова. Перед смертью ученого к нему так же, как к Кишлевскому, приходил человек в длинном черном пальто. И лицо его также «выпало» из памяти женщины. И это еще не все. Генетик Абрикосов умер в своем кресле. И, если верить сестре ученого, лицо его было черным. Черным, как обугленная головня.

На том конце повисла долгая пауза. Наконец Женя сухо спросила:

– У вас на руках есть документ, подтверждающий это?

– Нет, – ответил дьякон. – К приезду медэксперта чернота сошла. Что вы на это скажете?

Женя помолчала, затем холодно произнесла:

– Я это обдумую. Если появятся идеи, я вам позвоню. Всего доброго.

И она отключила связь.

Вечерело. Народ, собравшийся на похороны Абрикосова, стал расходиться. Свежий могильный холм был завален венками и букетами. С фотографии, прикрепленной к гранитной плите, на дьякона глядело худощавое, нервное лицо.

«А он похож на сестру», – подумал отец Андрей.

Глаза Абрикосова, большие и темные, как у сестры, смотрели пристально и подозрительно.

Отец Андрей вздохнул и отвел взгляд от фотографии. Сейчас дьякон был одет не в подрясник, а в короткую черную куртку. Темные волосы дьякона крупной волной спадали ему на плечи. Во время похоронной церемонии многие женщины бросали на одиноко стоявшего в стороне высокого брюнета быстрые, любопытные взгляды.

Вера Павловна на похороны не пришла. По всей вероятности, кокаин и «Хеннесси» не позволили ей добраться до кладбища. Оно и к лучшему. Меньше будет разговоров.

Отец Андрей посмотрел на часы. Почти семь часов. Скоро начнет темнеть. Поразмышляв с минуту, дьякон решил, что ему не мешало бы подкрепиться перед важным и, чего уж тут скрывать, опасным делом. Отец Андрей направился напрямик в ближайшую кофейню.

В кофейне он заказал себе большую чашку крепкого кофе и несколько бисквитных пирожных, к которым питал боль-

шую слабость. Ему понадобилось полчаса, чтобы разделаться с пирожными и кофе. Поскольку времени еще оставалось в избытке, дьякон решил повторить заказ.

Когда он вышел из кофейни, на улице стемнело. Отец Андрей закурил сигарету и минуты две просто стоял под фонарем, ни о чем не думая, а просто наслаждаясь моментом. Бог знает сколько времени ему предстоит провести на кладбище, за каким-нибудь сырым и колючим кустом, вдыхая ледяной ветер и кутаясь в теплую куртку.

Затянувшись в последний раз, отец Андрей швырнул окурок в урну, накинул на голову капюшон и зашагал к кладбищу.

* * *

Точку обзора он выбрал хорошую. Правда, пришлось улечься животом на прошлогоднюю промозглую траву, но, будучи человеком предусмотрительным, дьякон захватил с собой резиновый туристический коврик, который он заблаговременно спрятал в кустах.

На память дьякону стали приходить случаи, когда он вот так же, как сейчас, часами лежал в засаде на каком-нибудь перевале. А однажды ему пришлось провести всю ночь под дождем и мокрым снегом, который беспрестанно сыпался с неба. И казалось, конца и края этому не будет.

«Все-таки лучшая экипировка у местных крестьян и ча-

банов, — думал в ту ночь Берсенева, отбивая зубами чечетку и чувствуя, как ледяная вода проникает в ботинки-берцы и просачивается под плащ-палатку. — Человечество не изобрело ничего лучше кавказской бурки и папахи. С ними никакой снег и ураган не страшен».

Лежать приходилось почти в полной неподвижности. Лишь изредка Андрей позволял себе перевернуться на спину и слегка подвигать затекшими руками и ногами, чтобы восстановить циркуляцию крови в окоченевшем теле. Сменили его лишь через восемь часов, когда он совсем перестал чувствовать свое тело.

Вот это был настоящий ад. В сравнении с теми ночами сегодняшнее «дежурство» было сущим пустяком. Хотя, конечно, неприятным пустяком.

Дьякон лежал на земле, вперея взгляд в темноту, и перед его мысленным взором проносились огненные пунктиры трассирующих очередей, вспыхивали, на мгновение высвечивая фигурки людей, огненные облака разорвавшихся гранат и снарядов.

Чтобы избавиться от навязчивых видений, дьякону пришлось до крови закусить себе губу. По подбородку стекла струйка горячей крови. Боль возвратила дьякона из прошлого и вернула ему чувство реальности. Дьякон с облегчением вздохнул.

Около часа ночи где-то неподалеку раздался едва различимый шум. Тихонько хрустнула ветка под чьей-то ногой.

Отец Андрей встрепнулся и весь обратился в слух. Сердце его забилося чаще, под ложечкой засосало от волнения и неприятного предчувствия.

Метрах в тридцати замаячила чья-то темная фигура. Затем рядом с ней появилась еще одна – поменьше первой. Фигуры медленно приближались, осторожно обходя участки, освещенные фонарями, и стараясь держаться поближе к деревьям.

Вскоре можно было различить, что это мужчины; причем один из них, тот, что повыше, был одет в длинное темное пальто. Лица его не было видно из-за кепки, надвинутой на самые глаза. На голове второго красовалась меховая шапка-ушанка, и ее отвисший козырек так же надежно скрывал его лицо от посторонних взглядов. В руке у низкого была лопата. Высокий шел налегке.

Отец Андрей, оставаясь невидимым во тьме, продолжал наблюдение.

Странная пара тем временем подошла к могиле генетика Абрикосова. Высокий мужчина что-то тихо проговорил на ухо низкому. Тот кивнул и взял лопату на изготовку, явно намереваясь воткнуть ее в рыхлую землю могилы.

«Есть!» – сказал себе дьякон.

Он приподнялся повыше, чтобы лучше разглядеть незнакомцев, но затекшая нога двинулась слишком резко, и ботинок дьякона задел гнилую ветку. Гнилая, мягкая ветка треснула почти беззвучно. Однако высокий незнакомец тут же

повернул голову в сторону звука и насторожился.

– Ты ничего не слышал? – негромко спросил он у своего спутника высоким хрипловатым голосом.

Человек с лопатой отрицательно покачал головой.

«У этого «дьявола» звериный слух», – поразился отец Андрей и на всякий случай пригнул голову к самой земле, на несколько секунд потеряв обоих незнакомцев из вида. Когда он вновь поднял голову, возле могилы Абрикосова стоял только один человек – тот, что с лопатой. Он уже не держал лопату на изготовку, а опустил ее рядом с собой. При чем стоял он теперь так, что дьякон видел лишь его затылок.

Секунду дьякон решал, что предпринять – продолжить наблюдение с той же точки или покинуть «наблюдательный пункт»? Тут кто-то тихо тронул его за плечо. Отец Андрей молниеносно повернулся и успел увидеть темную фигуру, склонившуюся над ним.

Перед глазами вспыхнуло мерцающее облако. А когда облако рассеялось, дьякон увидел ужасную вещь. Он больше не лежал за голым кустом сирени, а стоял перед могилой генетика Абрикосова.

А на этой могиле, прямо на рыхлом могильном холме, сидело жуткое крылатое существо, похожее на огромную летучую мышь, но с длинным и лоснящимся телом. У зверя было три головы: одна бычья, увенчанная пылающими рогами, вторая – голова овцы, из пасти которой во все стороны торчали острые клыки, третья, уродливая человеческая голова,

смотрела прямо на дьякона – смотрела маленькими, черными и выпуклыми, как у летучей мыши, глазами.

Зверь вскинул к небу все три головы и издал душераздирающий вопль, от которого у дьякона по спине пробежала ледяная волна. Затем чудовище погрузило когтистые лапы в рыхлую землю, напружинилось и одним рывком взмыло вверх, вырвав из могилы мертвое тело генетика Абрикосова.

Ошметки влажной могильной земли полетели дьякону в лицо, залепили ему щеки, глаза, рот. Отец Андрей вскочил на ноги и бросился на чудовище. В прыжке он успел схватить крылатого зверя за лапу, ощутив под пальцами жесткую, влажную шерсть. Но чудовище вырвалось и, взмахнув огромными перепончатыми крыльями, устремилось ввысь, крепко сжимая в когтях мертвое человеческое тело.

Отец Андрей упал, но вскочил снова и бросился вдогонку за крылатым чудовищем. Он бежал по кладбищу, перепрыгивая через ямы, могильные холмы, оградки и памятники, – неся во весь опор, не видя перед собой ничего, кроме стремительно рассекающего воздух зверя, летящего метрах в трех над землей с болтающимся, как тряпичная кукла, телом в когтях.

Зверь то взмывал вверх, то пикировал вниз и почти стлался брюхом по земле, словно дразнил отца Андрея. Дьякон добежал до конца кладбища и одним могучим прыжком перепрыгнул через полутораметровую ограду. Боясь потерять чудовище из вида, отец Андрей пробежал мимо дере-

въев и продовольственного киоска, возле которого толклось несколько подростков, и выскочил на проезжую часть.

Послышался визг тормозов. Последним, что увидел дьякон, был большой джип, ослепивший его фарами и оглушивший визгом тормозов.

Раздался звук удара, земля из-под ног дьякона стремительно ушла, он взмахнул руками, словно собирался взлететь в небо. Небо распахнуло объятия и поглотило отца Андрея. «Как хорошо!» – успел подумать дьякон и потерял сознание.

– Он открыл глаза. Или мне показалось? Света, он действительно приоткрыл глаза?

– По-моему, да.

– Дайте ему понюхать нашатыря.

Волна удушающе-обжигающей вони затопила дьякону нос. Он с хрипом вздохнул и открыл глаза. Свет ударил по зрачкам, как хлыст. Отец Андрей снова зажмурил глаза, хотел пошевелиться, но боль пронзила все тело, и он едва не застонал.

– Эй, – окликнул его мужской голос. – Вы меня слышите?

Дьякон опять открыл глаза. Подождал, пока они немного привыкнут к свету, посмотрел на склонившегося над ним пожилого мужчину в белом халате и сказал:

– Да. Я вас слышу.

Доктор кивнул, поднял руку и пошевелил перед глазами у дьякона двумя морщинистыми пальцами.

– Сколько пальцев я вам показываю? – осведомился он.

– Восемь, – ответил отец Андрей.

Доктор опустил руку, взгляделся в лицо дьякона и вдруг засмеялся.

– Светочка, вы слыхали? А ну-ка, шутник, признавайтесь: зачем вы водите нас за нос?

– Если бы я сказал «два», вы бы решили, что я все еще не в

себе, – ответил дьякон и поморщился от боли в ушибленном боку.

Доктор засмеялся и повернул голову к молоденькой медсестре:

– Видали героя? Едва пришел в себя, а уже хохмит. Всем бы так.

– В самом деле, герой, – улыбнулась в ответ медсестра, с любопытством разглядывая дьякона.

Отец Андрей облизнул губы.

– Доктор, я...

– Не все сразу, – остановил его доктор. – Высказались – теперь отдохните. Вас ведь зовут Андрей Берсенов? Вы просто умница, что носите с собой документы и медицинский полис.

– Я...

Доктор прижал палец к губам:

– Тс-с... Помолчите хотя бы минуту. Слава богу, шок прошел, но вы все еще очень слабы. Вы были без сознания полтора часа. Я опасался, что шок может перейти в кому. Но теперь я вижу, что вы в порядке.

Дьякон помолчал минуту, затем оглядел свое тело поверх одеяла, перевел взгляд на человека в белом халате и спросил:

– Что со мной случилось?

– Вы попали под машину, – ответил доктор.

Отец Андрей шевельнул правой рукой, затем левой.

– У меня что-то сломано? – тихо спросил он.

– По счастью, нет. Вы отделались несколькими ушибами. И это просто чудо.

– Почему?

Доктор и медсестра переглянулись.

– Он еще спрашивает – почему? – хмыкнул доктор. – Дорогой мой, вас сбил джип, который ехал со скоростью пятьдесят километров в час. Удар прошел по касательной, но даже после такого удара шансов уцелеть у человека почти нет.

– Тогда это действительно чудо, – сказал отец Андрей, с удивлением разглядывая свое тело.

– Чудо не чудо, но организм у вас просто железный, – поддакнул доктор. – Кстати, дорогой мой, что понесло вас под колеса автомобиля? Там ведь рядом был подземный переход.

Отец Андрей напряг память, чтобы вспомнить. Перед глазами что-то замелькало – голые кроны деревьев на фоне звездного неба, свет автомобильных фар, крики людей. И какая-то большая, неясная тень, удаляющаяся все дальше и дальше.

– Я... кого-то преследовал, – сказал дьякон, мучительно наморщив лоб.

– Кого именно? – поинтересовался доктор.

По лицу дьякона пробежала тень, глаза слегка расширились, а лицо побледнело. Отец Андрей сглотнул слюну, нахмурился, посмотрел на доктора и хрипло ответил:

– Вора... Я преследовал вора. Он украл мой кошелек.

– Ясно, – кивнул доктор. – В таком случае ему повезло

больше, чем вам. Ну-с, пожалуй, я вас оставляю.

Доктор поднялся со стула.

– Слушайте медсестру, а я загляну через часок. Надеюсь, что моя помощь больше не понадобится. Если все будет в порядке, денька через два сможете идти домой. Выздоровливайте!

Доктор повернулся, чтобы идти, но отец Андрей его окликнул.

– Доктор! Простите, у меня было что-нибудь в руке?

– Что, например? – спросил доктор, оборачиваясь.

– Не знаю... Может, клочок шерсти? Что-нибудь в этом роде.

– Клочок шерсти? – Доктор прищурил глаза и переглянулся с медсестрой. – Нет, дорогой мой, никакой шерсти у вас в руке не было. А вы что же, успели схватить вора за волосы?

– Возможно, – ответил дьякон.

Доктор засмеялся.

– Увы, мой дорогой, ни шерсти, ни волос у вас в руке не было! Но было кое-что другое.

– Что? – выдохнул дьякон, приподняв голову с подушки.

Доктор достал из кармана измятый листок бумаги и протянул его дьякону:

– Вот это. Вы так крепко вцепились в этот огрызок, что у вас свело судорогой пальцы. Я хотел выбросить, но Светлана уговорила оставить. Держите, это ваше.

Всучив клочок бумажного листка дьякону, доктор, мур-

лыча себе под нос веселую песенку, вышел из палаты.

– Приятный человек, – тихо проговорил отец Андрей.

– Еще какой! – поддакнула медсестра. – Его все отделение обожает. Вам повезло, что попали к нему в руки!

Медсестра взяла с тумбочки флакон с бесцветной жидкостью и принялась устанавливать его в рамку капельницы.

Дьякон развернул клочок бумаги и поднес его к глазам. С одной стороны листок был исписан мелким, стремительным почерком. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это стихи. С другой стороны листка дьякон увидел рисунок, изображающий круторогую голову барана.

У барана было несколько пар глаз, а среди двух рядов оскаленных зубов торчали огромные клыки. Картинка была нарисована выцветшими чернилами.

– «И я взглянул, и вот, посреди престола стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей», – пробормотал дьякон, разглядывая рисунок.

– Что? – оторвала взгляд от капельницы медсестра.

– Ничего, просто вспомнил, – ответил дьякон.

– Вы лучше не разговаривайте. Помните, что вам доктор сказал. Вы еще не вполне отошли от шока. Вам нужно силы беречь.

Медсестра снова села на стул. Поправила белую шапочку и кивнула на листок бумаги, который дьякон все еще держал в руках.

– Это что-то важное?

– Может быть, – ответил отец Андрей. Он осторожно провел пальцем по кромке листка. – Думаю, я оторвал этот клочок от листа во время борьбы.

– Какой борьбы? – не поняла медсестра.

Дьякон посмотрел на нее и улыбнулся.

– Да я и сам толком не помню. Вас ведь зовут Светлана?

– Да, – ответила медсестра, улыбнувшись.

– Света, вы когда-нибудь грезили наяву?

– Наяву? – Медсестра неуверенно улыбнулась. – Вообще-то нет. А разве такое бывает?

– Видимо, да. Именно это произошло со мной... – Дьякон посмотрел на циферблат часов, красовавшихся над входом в палату, и договорил: – Полтора часа назад.

– Вы грезили наяву?

– Это лучшее название тому, что я пережил.

Медсестра смотрела на дьякона с тревогой.

– Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? – спросила она. – Хотите, я позову врача?

Дьякон покачал головой:

– Нет, не нужно.

Отец Андрей внимательно оглядел клочок бумаги, затем, прищулив глаза, прочел строки, которыми была исписана одна из его сторон. Текст был старый, с «ятями» и «ижицами».

Промчится век, и две войны ужасных
Закончатся. Исчезнет новый Рим.

И в самый первый год тысячелетья
Мир рухнет в бездну. Он начнет паденье
Под знаком Овна. Аргуса глава
Исторгнет зверя из своей утробы.
И тридцать шесть своих зажжет свечей.

1913 год

Пока дьякон читал, медсестра регулировала рамку капельницы и скорость подачи лекарства.

– Значит, этот клочок бумаги был у меня в руке, – проговорил отец Андрей не столько вопросительно, сколько задумчиво.

Медсестра кивнула:

– Конечно. Я сама вынула это у вас из пальцев. А что?

– Ничего. – Он посмотрел на медсестру и улыбнулся. – Светлана, вы чудесная девушка!

– Я знаю, – с кокетливой улыбкой ответила медсестра.

– Вы будете здесь всю ночь?

Она покачала головой:

– Нет. Мне нужно на дежурство. У нас тут рядом отделение для коматозников. Я там дежурю.

– Неприятная, должно быть, работа?

– Приятного мало, – согласилась медсестра. – Смотришь на них, и сердце кровью обливается. Зато если кто-то выйдет из комы – тут уж такая радость!

– Понимаю, – мягко отозвался отец Андрей. Вдруг в висках у него застучало и глаза стала заволакивать багрово-жел-

тая пелена. Дьякона замутило, перед глазами запрыгали кроваво-красные искры и всполохи. Сердце пронзила игла такой тоски, что дьякон едва не взвыл.

– Вот черт... – пробормотал он, стискивая зубы и зажмуривая глаза.

– Что? – взволнованно спросила медсестра. – Вам плохо?

Отец Андрей через силу открыл глаза и слабо улыбнулся:

– Нет, все в порядке.

Его все еще мутило, но кроваво-желтая пелена перед глазами рассеялась. Тоска, захлестнувшая душу дьякона, тоже ушла, оставив после себя отвратительный осадок. Отец Андрей посмотрел на медсестру и вдруг нахмурился.

– Странно... – проговорил он.

– Что странно? – не поняла она.

Дьякон облизнул губы.

– Неприятное предчувствие, – ответил он. – Скажите, Света, а вам обязательно идти сегодня на дежурство?

Девушка неуверенно улыбнулась:

– Конечно. Это ведь моя работа. А что?

Дьякон замер, словно прислушивался к чему-то. Затем вздохнул и ответил:

– Нет, ничего. Просто показалось.

– Ничего удивительного, – сказала с ободряющей улыбкой медсестра. – Вы ведь пережили аварию.

Медсестра встала со стула и быстрым движением разгладила юбку.

– Мне пора, – сказала она. – А вам лучше поспать.

– Я не хочу спать, – ответил отец Андрей.

– Ну, тогда просто полежите и отдохните. Хотите, я включу вам телевизор?

– Не знаю.

– Я включу. Чтобы вам не было скучно. Пульт я оставлю на тумбочке, идет?

– Идет.

Медсестра включила телевизор, снова улыбнулась дякону и вышла из палаты. Отец Андрей несколько минут лежал, не глядя на экран телевизора, изучая взглядом трещинки на потолке и мучительно о чем-то размышляя. Затем перевел взгляд на экран, взял с тумбочки пульт и прибавил звук.

Телевизор монотонно забубнил:

«...Первый год нового тысячелетия уже три месяца как начался. Несмотря на ужасающие пророчества, ничего страшного с миром не произошло. Как видите, наш мир не рухнул в бездну. Мы по-прежнему живы...»

Дьякон выключил телевизор и устало прикрыл глаза.

Отец Андрей задремал, но из дремы его вытащил голос медсестры.

– Больной, вы не спите? – спросила она громким шепотом.

– Нет, – ответил дьякон, улыбаясь и открывая глаза.

Он взглянул на медсестру, и улыбка сошла с его лица. Медсестра, стоявшая у двери, была полной противоположностью Светлане – приземистая, чернявая, ширококостная, с некрасивым, грубо и как бы наспех вылепленным лицом.

– А где Светлана? – спросил отец Андрей растерянно.

– Ушла на дежурство к коматозникам. Если понадобится – зовите меня. Я буду в коридоре. Вот этот человек, – медсестра ткнула коротким пальцем в бок своему спутнику, – хочет с вами познакомиться. Я справлялась у доктора – он разрешил.

Дьякон перевел взгляд на человека, мнущегося у двери. Это был пожилой мужчина, крупный, но с маленькой и совершенно лысой головой. Лицо у него было темным и морщинистым, как печеное яблоко, но, судя по осанке и широким плечам, старик все еще был крепок, как старый дуб. Неожиданный посетитель улыбался дьякону смущенной и извиняющейся улыбкой.

– Это водитель джипа, под колеса которого вы угодили, – объяснила медсестра. – Он чувствует себя виноватым и при-

шел извиниться.

Старик выступил вперед и заговорил глуховатым голосом:

– Я прошу прощения за то, что потревожил вас. Вы, наверное, все еще слабы, а я...

– Ничего страшного, – заверил его дьякон. – Я уже в норме.

Лицо старика слегка прояснилось.

– Да, – кивнул он. – Самое страшное уже позади. И для вас, и для меня. Вам, конечно, пришлось совсем туго. Но я тоже сильно перенервничал.

– Он привез вас в больницу, – пояснила медсестра. – И все это время ждал, пока вы придете в себя.

– Только на десять минут отлучился – кофейку купить, – извиняющимся голосом сказал старик. – Прихожу – а мне говорят, что вы уже разговариваете. Ну, я сразу к вам – извиняться.

– Насколько я знаю, виноват в аварии я, – мягко возразил дьякон. – Значит, извиняться нужно мне, а не вам. Вы уж не сердитесь на меня. До сих пор не понимаю, как я оказался на проезжей части. Вы сами-то целы?

Старик подошел к кровати и присел на стул.

– Да мне-то что сделается, – сказал он, глядя на дьякона добрыми и мутными, как у старого пса, глазами. – Слегка трянуло, только и всего.

– Сколько я вам должен за ремонт машины? – прямо спросил дьякон.

– За ремонт? – Старик улыбнулся. – Да господь с вами, ничего не должны. Две легкие вмятины, их и не разглядишь без очков. Вы лучше о себе думайте. Чтобы поправиться скорей. Ну а как надумаете домой – так я вас сам отвезу. Куда прикажете.

Отец Андрей стушевался.

– Вы слишком добры, – смущенно пробормотал он. – Если я могу чем-то...

– Можете, – весело кивнул старик. – У меня не так много друзей. Как-нибудь потом, когда выздоровеете, попьем вместе кофейку. Ну, или чего покрепче.

Старик лукаво подмигнул дьякону.

– Обязательно, – сказал в ответ отец Андрей. – Обязательно попьем. И думаю, что скоро. Залеживаться я здесь не собираюсь.

Дьякон покосился на медсестру и тихо проговорил, стараясь, чтобы слышал его только старик:

– Скажите, а вы больше никого не видели? Там, на проезжей части?

– Э-э... – растерянно протянул старик.

– Вместе со мной, – быстро пояснил отец Андрей. – Я один выскочил? Или рядом со мной кто-то был? Я плохо помню, что произошло. Но мне кажется, что я за кем-то гнался.

– Вот оно что, – понимающе проговорил старик. Он нахмурил коричневый морщинистый лоб, подумал несколько

секунд, затем покачал лысой головой: – Нет. Не разглядел. Я и вас-то в последний момент увидел. Вдарил по тормозам, да уже поздно.

Дьякон разочарованно вздохнул.

– Да, конечно, – кивнул он.

Увидев, что дьякон расстроен, старик снова забеспокоился.

– А может, не было никого? – сказал он успокаивающим голосом. – Может, вы просто запаматовали? Врач сказал, что у вас был шок.

– Да, – пробормотал дьякон. – Вполне возможно.

– Дедушка, вы обещали, что не больше пяти минут! – напомнила от двери суровая медсестра.

– Да-да, уже ухожу. – Старик поспешно поднялся со стула. – Ну-с, – сказал он, улыбнувшись и протянув руку дьякону, – выздоравливайте. А как только поправитесь – транспорт и почетный эскорт будут ждать вас у самых дверей больницы.

– Огромное спасибо, – поблагодарил отец Андрей. – И еще раз простите мне эту дурость.

Старик пожал дьякону руку, повернулся и покорно зашагал за медсестрой, однако на полпути остановился и обернулся.

– Будьте осторожны, – сказал он. – Особенно на проезжей части.

– Дедушка! – сурово окликнула медсестра.

– Иду-иду. – Старик виновато развел руками, усмехнулся – дескать, ничего не попишешь – и торопливо засеменил к открытой двери.

Когда дверь за медсестрой и стариком закрылась, дьякон повернулся на бок и прикрыл глаза. Бороться с дремой больше не было сил. Засыпая, он успел подумать, что повел себя совершенно по-свински. Не представился старику сам и не спросил его имени. «Во всем виноват шок», – подумал отец Андрей в собственное оправдание, зевнул и через две секунды забылся мертвым сном.

И была тьма. Полная, беспросветная, страшная и блаженная одновременно. Она обволакивала Костолома, как черный, липкий туман, проникала ему в мозг, вылизывала ему глазницы холодным языком, входила в него и становилась им.

Холод замораживал его, делал неподвластным времени, неуязвимым и бессмертным.

«Да! – хотел прошептать Костолом. – Это то, что мне нужно! Я так долго ждал этого!»

Вдруг тьма вокруг стала стремительно сжиматься. И вот вся Вселенная сжалась до размеров маленькой, затхлой кладовки. И тогда его сердце сковал ужас.

– АД! – произнес в голове у Костолома шепелявый старушечий голос. – ТЫ ПОПАЛ В АД, МАЛЕНЬКИЙ МЕРЗАВЕЦ! ЗДЕСЬ ТЕБЯ БУДУТ ЖАРИТЬ, КАК СВИНЬЮ, ПОКА ТЫ НЕ ПРЕВРАТИШЬСЯ В ЭСКАЛОП!

– Нет! – хотел крикнуть Костолом. – Это не ад! Не ад!

Но рот его был заткнут чем-то мокрым и осклизлым, как комок грязи. Он стал задыхаться и закашлялся. Окружающее пространство снова погрузилось во тьму.

«Слава богу, – подумал он, – слава богу, это все не настоящему».

Но вдруг холод отступил, и тьма, объявшая разум Косто-

лома, слегка расступилась. Сперва он ощутил как бы легкое дуновение ветра и даже различил тихие слова, которые нес ему этот ветер.

«Проснись... – шелестел ветер. – Проснись... Ты нужен мне... Нужен...»

«Нет, – сказал он ветру, не разжимая губ. – Я не хочу. Ты не можешь меня заставить».

Но ветер снова и снова повторял свою шелестящую песню:

«Проснись... Встань и иди... Встань и иди...»

«Нет, – опять сказал Костолом. – Я не знаю, где я нахожусь, но мне хорошо здесь. Я никуда не хочу отсюда уходить».

Ветер крепчал.

«Ты ДОЛЖЕН! – прошелестел он так сильно, что в висках у Костолома заколотилась боль. – Должен встать! У МЕНЯ НА ТЕБЯ БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ!»

Ветер стал все неистовее колотиться в черепе, как зверь, запертый в ящик, из которого нет выхода. Голову Костолома пронзила боль, словно по мозгу полоснули лезвием бритвы. Он хотел вскрикнуть, но не смог, поскольку кричать было нечем. У него не было ни рта, ни связок. Была только эта боль и разбуженное болью всепоглощающее желание жить.

«ПРОСНИСЬ!» – приказал ветер.

И в ту же секунду что-то произошло. Черный туман стал редеть, в нем появились проблески света. Неожиданно откуда-то издалека донесся гул... Гул приближался, нарастал...

Гул обрушился на Костолома, подобно ревущей снежной лавине, словно в голове у него взорвалась граната, разнося череп на мелкие куски. Но в следующую секунду гул стал тише, и вдруг оказалось, что это вовсе не гул. Не гул, а людские голоса.

Говорили две девушки. Голос одной из них звучал мягко и негромко. Другая, напротив, говорила резко, нагло и развязно.

– Свет, а кто это, на крайней кровати? – спросил развязный голос.

– Какой-то парень, – ответил ей мягкий голос. – Его нашли на загородном шоссе, неподалеку от леса. Он был голый и весь в крови. Наверное, его выбросили из машины. А потом еще пару раз переехали колесами.

– Какой ужас! И сколько он уже в коме?

– Три месяца.

– А имя узнали?

– Нет. Ни имени, ни документов – ничего. У него на руке татуировка есть, но даже это не помогло.

С каждой секундой голоса звучали все отчетливей, а «белый шум», из которого они выныривали, как две чистых струи из грязного потока, становился все глуше, отдаляясь и отходя на задний план.

– Что за татуировка? – спросил развязный голос.

– Да глупость какая-то. Всего одно слово. Костолом.

– Костолом?

– Да.

– А что, прикольно! Наверное, какой-нибудь байкер.

– Возможно. А может быть, бандит.

– Это еще прикольнее!

Теперь к звуку голосов добавилось какое-то новое ощущение, и он не сразу понял, что ощущение это – не слуховое, а зрительное. Он словно всплыл из черного омута к поверхности и взглянул сквозь прозрачную пленку воды наружу. Сначала он увидел два бледных, мутных пятна. Пятна эти тихонько покачивались, будто поверхность омута, сквозь которую он смотрел на них, была взбаламучена ветром.

Одно из пятен качнулось сильнее, и вслед за тем развязный голос поинтересовался:

– Свет, а можно я подойду поближе?

– Подойди, только ничего там не трогай.

Одно пятно отделилось от другого и стало стремительно наплывать. Наконец оно зависло, заколыхалось над ним, как огромная белая луна. И тогда он понял, что это человеческое лицо.

Посреди этой бледной луны проступило небольшое темное пятно, и оно задергалось, заизвивалось:

– Какой большой! Вы ему хоть волосы подстригли бы. И бороду лучше сбрить. Ух, вот это тело! Я таких качков только по телевизору видела.

Пятно замаячило перед глазами, а к зрительному и слуховому ощущению добавилось третье – тактильное. Он почув-

ствовал, как что-то теплое и легкое пробежало по его руке, а затем – по шее.

– Ну и мышцы! Интересно, у него в штанах все такое же большое?

– Перестань! – оборвал другой голос, мягкий и насмешливый.

– Только не говори, что ты об этом не думала. Ты посмотри, какие у него мускулистые руки. А шея! Просто зверь. Так ты уже заглядывала ему в штаны?

– Валька, хватит нести чушь!

Раздался шорох. Затем что-то быстро пробежало по внутренней стороне его правого бедра.

– М-м...

– Убери руку с его штанов, я сказала!

– Да ладно тебе, Светусик. Я только одним глазком. Это же настоящий самец гориллы. Никогда не видела таких великанов.

– Нет, я сказала!

– Ну, пожалуйста... Ну, Светусик... Ну, хочешь, я перед тобой на колени встану?

Зажурчал тихий смех.

– Неужели так хочется?

– Жутко! Светка, ты же знаешь, как я равнодушна к таким вещам!

И снова волна мягкого смеха.

– Валька, ты просто нимфоманка! А ведь в школе была

тихоней.

– В школе мы все были тихонями. Ну, давай, а? Ну, Свету-усик! В этом нет ничего такого. Просто посмотрим, и все.

– Даже не знаю. Если кто-нибудь из врачей увидит...

– Да никто не увидит.

– А разочароваться не боишься? – насмешливо проворковал мягкий голос.

– Так можно?

– Ладно. Только быстро. И никому об этом не говори!

– Что я, дура, что ли?

Бледное пятно ушло куда-то вниз. По нижней части живота пробежал холодок. Послышался вздох разочарования.

– Лучше бы я на это не смотрела. Свет, а знаешь, что я думаю?

– Что?

– Наверно, когда Бог лепил его тело, весь материал ушел на бицепсы, а на эту штучку материала почти не осталось.

– Натяни ему штаны.

– С удовольствием. Там без микроскопа все равно ничего не разглядишь. А с виду такой кабан. Светка, а помнишь, что по этому поводу говорила наша «англичанка»?

– *Appearances are deceitful!*¹ – одновременно произнесли девушки и засмеялись.

И вновь по низу живота пробежал холодок, сменившийся уютным, тугим теплом. Бледное пятно снова приблизилось

---

¹ Внешность обманчива! (англ.)

к его лицу. На этот раз он увидел не только шевелящуюся черную дыру рта, но и глаза. Два грязных пятна на светлом фоне.

– Ну что, здоровяк? Обманул ожидания девушки? Ай, как нехорошо. Ну, ничего. Вот придешь в себя, будешь кушать много манной каши – и у тебя вырастет.

– Валька, кончай издеваться над человеком!

«ВСТАНЬ И ИДИ! – ясно и отчетливо произнес голос в голове у Костолома. – ВСТАНЬ И ИДИ!»

– Ой! – вскрикнула девушка.

– Что?

– Светка, кажется, он открыл глаза!

– Не может быть!

Лица девушек были как в тумане, но постепенно очертания становились четче.

– Точно, открыл! Надо позвать врача!

Две мускулистых руки резко вскинулись кверху, схватили девушек за волосы и легонько, без всяких усилий стукнули их головами. Раздался треск, словно кто-то переломил сухую палку. Тела обмякли и рухнули на пол. Мышечное усилие было небольшим, но после трех месяцев неподвижности и оно далось Костолому нелегко.

Голова Костолома вдруг закружилась, а перед глазами поплыла пелена. Он понял, что отключается, и ему захотелось снова погрузиться в блаженный туман... Но властный голос внутри головы не дал ему этого сделать.

– НЕТ! – рявкнул голос. – ТЫ ВСТАНЕШЬ! ВСТАНЬ! Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ ВСТАТЬ!

Голос эхом прокатился по черепу Костолома, он сжал голову ладонями и застонал.

– ТЫ БОЛЬШЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИШЬ СЕБЕ. И Я, ТВОЙ ГОСПОДИН, ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ: ВСТАНЬ!

Костолом оторвал от подушки тяжелую бородатую голову, крихтя и постанывая, сел на кровати, опустив огромные босые ноги на пол.

Он еще чувствовал легкое головокружение, но вскоре прошло и оно. Костолом поднес к лицу ладонь, несколько раз сжал и разжал пальцы, возвращая онемевшим рукам чувствительность. Затем несколько раз сжал и разжал пальцы ног. Отросшие за время комы ногти на ногах царапали пол, как медвежьи когти.

Чувствительность возвращалась постепенно. Прошло не меньше пяти минут, пока он почувствовал в себе силы, чтобы встать. И тогда он встал. В голове его снова послышался гул, но теперь это не было неприятно. Постепенно из гула стали составляться слова и фразы.

– КТО ТЫ? – спросил его гулкий голос.

– Я... Костолом, – ответил он.

– КТО ТЫ? – еще громче и требовательнее повторил голос.

И в ту же секунду раскаленная молния прожгла мозг Костолома. Он схватился за голову огромными ладонями, сжал

ее и простонал:

– Раб... Я твой раб, Господи!

– ТЫ СДЕЛАЕШЬ ВСЕ, ЧТО Я ПРИКАЖУ?

– Да, Господи! Я сделаю все, что ты скажешь!

– ХОРОШО. У МЕНЯ НА ТЕБЯ БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ.

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ РАЗДОБУДЬ СЕБЕ ОДЕЖДУ.

Бывшие привычкигодились Костолому и на этот раз. Пелена с его глаз спала. Он уже нормально передвигал ногами и полностью избавился от шума в голове. Теперь он был тем могучим, упрямым и жестоким человеком, которого так ценили в банде байкеров. Хотя нет, не совсем так. Теперь он был СИЛЬНЕЕ, потому что его вела великая цель. И теперь он перестал принадлежать сам себе, он стал лишь ОРУДИЕМ в руках ВСЕМОГУЩЕГО ХОЗЯИНА.

Покинув больницу через окно туалета, Костолом вдохнул полной грудью холодный воздух улицы и распрямил могучие плечи. Прежде всего нужно было достать себе одежду. Костолом огляделся. Он и раньше никогда не страдал близорукостью, но сейчас глаза его видели в сто раз зорче. Предметы, находившиеся по ту сторону дороги, он видел так же отчетливо, как и те, что находились рядом с ним.

Этим своим новым зорким, как у хищной птицы, зрением Костолом разглядел неоновую вывеску ресторана. И он решительно зашагал к нему. Через несколько минут Костолом был на месте.

Первым делом он занял удобную наблюдательную позицию. Он скрылся в темной нише здания. Вход в ресторан и парковка машин были отсюда видны как на ладони.

Костолом терпеливо ждал. Он не чувствовал ни обжига-

ющего ветра, ни накрапывающего ледяного дождя. Лишь по его мускулистому телу, как по телу огромного, ломового коня, то и дело пробегала волна дрожи.

Времени было в обрез, и все же Костолом действовал неторопливо, не испытывая никакого беспокойства. Он был абсолютно уверен в своих силах, ведь над его плечами, подобно огромному черному плащу, нависала тень ХОЗЯИНА.

Подумав об этом, Костолом улыбнулся. Он больше не слышал в голове ЕГО голос, но он знал, что ХОЗЯИН все еще там. И будет там все время. Теперь Костолом никогда не будет одинок. Никогда! Эта мысль грела душу и заставляла работать на полную мощь его не слишком далекие мозги.

Люди входили и выходили, а Костолом, не замечая холода, терпеливо ждал своего часа. В его длинной густой шевелюре и в отросшей за время комы бороде поблескивали дождевые капли. Время от времени он проводил широкой ладонью по лицу, чтобы стереть влагу, мешающую смотреть и видеть.

Наконец он дождался. Двери ресторана открылись, и наружу пошатывающейся походкой вышла пара. Мужчина был в просторном кашемировом пальто кремового цвета, женщина – в темной норковой шубке. Костолом окинул фигуру мужчины оценивающим взглядом. Росту в том было не меньше метра девяноста. А в плечах он был почти так же широк, как и Костолом.

Костолом беззвучно, как дикий зверь, выскользнул из своего укрытия. По пути он подхватил с земли рваный полиэти-

леновый пакет, который заприметил еще загодя.

Над головой пьяной пары раскрылся зонт. Мужчина и женщина, негромко переговариваясь, шли к парковке машин. На их пути, накрывшись полиэтиленовым пакетом, сидел бородатый, лохматый бомж.

– Господи, эти твари и сюда просочились, – заметила, безразлично глядя на бомжа, женщина. – А я думала, это respectable ресторан. Надо сказать охране.

– Оставь, – лениво отозвался мужчина. – Оно тебе надо?

– Они бы еще крыс развели, – продолжала злиться женщина. – Ты посмотри на него. Сидит на асфальте, как собака! И воняет от него, наверное, так же. О, я уже чувствую этот запах!

– Не выдумывай, зая. Ничем тут не пахнет.

Дождавшись, пока пара поравняется с ним, нищий вдруг резко подался вперед и крикнул хриплым басом:

– Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное!

Пара остановилась от неожиданности.

– Фу! – фыркнула женщина, презрительно глядя на бомжа. – Придурок! Морев, дай ему ботинком по сопатке!

Нищий посмотрел на женщину снизу вверх сквозь упавшие на лицо мокрые пряди и проревел:

– Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие!

Мужчина сунул руку в карман пальто. Женщина посмотрела на него изумленно.

– Ты что, собрался дать ему деньги?

– Да, – ответил мужчина.

– Морев, ты в своем уме?

– Не парься, не обеднею. Благодаря твоей жадности мы сэкономили на чаевых.

Мужчина достал смятую сотенную бумажку и швырнул ее на асфальт.

– Держи, бродяга, – сказал он. – Выпей за мое здоровье.

Вместо благодарности нищий вдруг вскинул руку жестом пророка и пробасил:

– Истинно говорю тебе: ты не выйдешь из темницы, пока не отдашь все до последнего кодранта!

Женщина тряхнула своего спутника за рукав и возмущенно проговорила:

– Ты видел это? Никакой благодарности!

– А мне и не нужна его благодарность, – со злостью в голосе возразил мужчина.

– Морев, ты придурок, – отрывисто проговорила женщина.

– Все сказала?

– А ты хочешь еще что-то услышать?

Мужчина криво усмехнулся:

– Вообще-то не очень. Я заранее знаю все, что ты скажешь. Ты предсказуема, детка. И мне с тобой скучно.

– Скучно? – Женщина хохотнула. – А ты думаешь, мне с тобой весело?

Нищий слушал их перепалку с интересом.

– Да я лучше с этим бомжом буду жить, чем с тобой! – крикнула женщина.

Мужчина пожал плечами:

– Валяй, живи. Вы будете отлично смотреться вместе. Но только он тебя тоже бросит. Ты любого утомишь своей ту-постью и жадностью. – Мужчина повернулся к сидящему на асфальте нищему и весело проговорил: – Эй, бродяга, хочешь новую подружку? Могу подарить тебе свою! Но ты ведь не такой дурак, чтобы связываться с жадными, сварливыми идиотками?

Женщина зашипела на своего спутника, как змея:

– Морев, я и раньше знала, что ты придурок, но никогда не думала, что ты такой подлец!

– А ты...

Женщина резко, без замаха, ударила мужчину ладонью по лицу. Голова его дернулась в сторону. Секунду или две он удивленно смотрел на женщину, потом расхохотался.

– Bravo! – Он поднял руки и хотел насмешливо поаплодировать своей спутнице, но не успел.

Бородатый нищий вдруг вскочил на ноги. Он сгреб мужчину за лацканы пальто и ударил его головой о стену здания. Затем одним сильным движением вытряхнул мужчину из пальто. Пока странный нищий натягивал пальто, женщина стояла, оцепенев от изумления и ужаса.

– Помогите! – тихо вскрикнула она.

Нищий повернул огромную косматую голову и посмотрел на женщину слегка удивленным взглядом, словно только что вспомнил о ее существовании.

Женщина попятилась под его взглядом, повернулась и хотела бежать, но нищий схватил женщину за воротник шубы, прижал ее к себе и с хрустом переломил ей шею. Затем разжал пальцы и, даже не посмотрев на рухнувшее на асфальт тело, подошел к мужчине. С полминуты понадобилось Костолу на то, чтобы снять с ног мужчины туфли и натянуть их на свои лапы. Туфли пришлись впору.

Костолом достал из кармана пальто бумажник, ключи и документы, посмотрел на них и положил обратно в карман. Потом сунул руку в другой карман и достал пистолет тридцать восьмого калибра. Несколько секунд гигант с удивлением разглядывал пистолет, затем тихо пробормотал: «Неисповедимы пути Господни» – и запихал пистолет в карман.

Затем повернулся и бодро зашагал к парковке машин.

...Он пробирался по темной улице медленно и осторожно. Сердце его учащенно билось, когда приходилось идти по самым темным участкам – через лакуны абсолютной темноты, куда не добирался свет тусклых уличных фонарей и откуда веяло ужасом и смертью. Город был безлюдным, огромным и страшным, а он – маленьким и беспомощным, как насекомое.

В свои десять лет Костолом уже прекрасно знал, что призраков и ходячих мертвецов не существует. Так говорили взрослые. И так говорил его собственный разум, над которым эти взрослые изрядно поработали. Но сердце, судорожно бьющееся в груди, говорило о другом. Оно чувствовало, что в темноте скрывается опасность. Не бродячие псы и не пьяницы, о которых так любила порассуждать его бабушка. Это была опасность иного рода, и слово «иное» тут являлось ключевым.

Тихо шагая к дому через ночной парк, Костолом даже дышать старался как можно тише, словно боялся разбудить невидимых чудовищ, дремлющих во тьме в ожидании одиноких, припозднившихся прохожих.

Каждую секунду мальчик ожидал, что тьма оживет и набросится на него, но ничего подобного не происходило. Вскоре он вышел из ненавистного парка на освещенный тро-

туар, а еще через пять минут был дома.

В тот же вечер у него произошел серьезный разговор с бабушкой. Воспользовавшись тем, что матери не было дома, он наконец задал ей вопрос, который давно хотел задать:

– Бабушка, а наш папа правда уехал на Север?

Бабушка отвлеклась от вязания и строго посмотрела на Костолома поверх очков. Затем вздохнула и отложила клубок и спицы. Она достала из тумбочки пузатую бутылку из темного стекла, налила себе в рюмку темную, пахучую жидкость. Залпом выпила, вытерла страшный, беззубый рот морщинистой ладонью и сказала:

– Пора тебе знать правду, мальчик. Твой отец никуда не уезжал. Он... – Бабка поморщилась и передернула плечами. – Он просто ушел и не вернулся. Это было два года назад, и до сих пор о нем нет ни слуху ни духу.

– Куда же он ушел? – шепотом спросил мальчик.

Старуха усмехнулась:

– Туда же, куда каждый год уходят тысячи людей. Они выходят из дома на пять минут, но уже не возвращаются никогда.

– А куда они уходят? – спросил мальчик.

Старуха наморщила лоб, подумала несколько секунд и ответила:

– В другой мир, я думаю.

– В другой мир, – эхом повторил мальчик. – А как туда попасть?

Старуха усмехнулась, снова взяла бутылку и наполнила рюмку до краев. Выпив, она вновь вытерла рот тыльной стороной ладони и вдруг спросила:

– Ты боишься темноты?

Он кивнул:

– Да.

– Вот там, в самом сердце темноты, там, где нет даже проблеска света, находится вход в другой мир. Ты понял?

– Да, – снова кивнул мальчик. – А я смогу туда попасть?

И опять на морщинистом лице старухи появилась кривая, неприятная усмешка.

– Попадешь, – уверенно сказала она. – Рано или поздно попадешь. Ты точная копия твоего отца. Такой же негодяй, как и он, только маленький. Но ты ведь вырастешь. Вырастешь и превратишься в настоящее чудовище.

– Почему, бабушка?

– Потому что у тебя черная душа, – резко ответила старуха. Она слегка наклонилась вперед, вперила в него свои выцветшие, подернутые белесой пленкой глаза и рывкнула: – Это ведь ты и твои дружки ловите в городе кошек и перебиваете им палками лапы? Отвечай, мерзавец!

– Бабушка, я не...

– Не вздумай отпираться. Соседка видела тебя со сворой других паршивцев! И ты у них верховодил! – Она выпрямилась и снова потянулась за бутылкой, но остановилась, повернулась к мальчику и резко спросила: – Знаешь, что такое

другой мир?

– Нет, – ответил он.

– Это ад! Место, где тебя будут жарить, как свинью, пока ты не превратишься в эскалоп!

Мальчик заплакал.

– Это неправда, – сказал он сквозь слезы. – Такого места нет.

– А вот и есть! И ты туда попадешь! Будь уверен, маленький мерзавец! – Старуха повернулась, но вместо бутылки взяла с тумбочки толстую книгу с крестом на обложке. – На вот, держи! – сказала она и пихнула книгу ему в лицо. – Почитай! Тут про все это написано!

Мальчик прижал книгу к груди и, всхлипывая, побежал к себе в комнату.

– Поджаришься! – крикнула ему вслед старуха, заливаясь пьяным, гортанным смехом. – Поджаришься, как кусок свинины!

Забежав в комнату, мальчик захлопнул дверь и прижался к ней спиной. Переведя дух, он поднес к глазам тяжелую книгу и открыл ее наугад. Взгляд его упал на отчеркнутую карандашом строчку, и он прочел:

«Сыплются кости наши в челюсти преисподней!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.